

Теннадий
Дорохин

ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ СО ЗВЕЗДАМИ

Роман расставаний

Памяти Натальи Сладковой

Глава четырнадцатая: ТЕРРИТОРИЯ ЛЮБВИ

Передо мной открылся тесный городской двор. Он мог бы называться и необъятным – столько всего вмещало его пыльное пространство. Одной битой тары – раздавленных ящиков, ржавых жестяных банок, дырявых бочек – нагромождены горы; в самом центре двора другая гора – печной золы и пепла из давно не работающей кочегарки. Много лет назад решено было убрать золу, вывезти ее куда-нибудь подальше; для этой цели прислан был грузовик с несколькими рабочими, вооруженными лопатами, которые они сами называли «штыковыми». Предполагалось, что гора золы и горького печного пепла отступят перед яростной «штыковой» атакой, но почему-то вышло так, что могучему грузовику не суждено было выехать из этого двора; вот он кривится на склоне рукотворной горы с разбитыми стеклами, разбитыми же фарами, без колес – и никто во дворе не знает, откуда он некогда приехал и куда подевался шофер, усатый молодой человек, приятный в обращении, кажется, его звали Вадимом.

Это был не первый автомобиль, не сумевший выехать со двора и оставшийся здесь навек. Даже машина начальника чеки как-то, визжа тормозами, как вкопанная встала у дворовых ворот, и с тех пор никто и никогда ее не видел, за исключением обитателей двора, которые, в общем, и не обращают внимания на всякий железный хлам, которым набиты все уголки двора. Судьба самого хозяина машины оказалась проще, в тридцать четвертом году его расстреляли в подвале родной ему чеки.

Растворилась во времени и полуторка с госномером ШИ 31–10. Машина эта как-то привезла в типографию, склады которой находились во дворе, плоскопечатный станок – «самоаклад». Это полиграфическое чудо исчезло вместе с полуторкой, подозревали, что на станке печатают запрещенную литературу – сочинения Достоевского, Некрасова, Виктора Иванова (старшего) – какой пример молодежи могут дать эти сочинители и их, с позволения сказать, сочинения?

Окончание. Начало в №№ 6, 7, 2016.

4

Рабочие, приехавшие некогда на грузовике со «штыковыми» лопатами, тоже пропали, не одно десятилетие не могут их дожидаться жены, дети, матери – старушки. Никто не может найти их, хотя собиралась специальная экспедиция по поиску и она прошла чуть не всю необъятную Евразию, сделала много открытий, в том числе и великих, но людей этих не нашла. Один, а их было вначале трое, вскоре нашелся, сам пришел, соскучился за малыми детушками. А тех двоих так и след простыл.

Но они никуда не уезжали, и даже не думали, хотя могли уехать, и даже далеко. Одного из них приглашали за океан как большого специалиста – то ли по разгрузке, то ли по погрузке – но не сошлись в сумме вознаграждения. Второй, в случае чего, мог стать у первого референтом, но не случилось. Они оба – и первый и второй – вылезли тогда из кузова с отточенными лопатами наперевес, и поняли, что им не одолеть пепел, требуется подкрепление, и они с чистой совестью расположились среди ящиков, предварительно посетив магазин народных вин, где в огромных темно-зеленых бутылках продавали народное счастье...

Первую, как водится, выпили за родителей, не чокаясь – дети, где бы они не находились, не забывают отцов и матерей – первая всегда пьется за них...

Пятую – за дружбу, седьмую за здоровье...

И полетели дни, недели, месяцы; они сложились в годы, десятилетия, а пропавшие на склонах горы пепла так и не нашлись.

В первые дни после шестой они затягивали песню, а голоса у них были хоть прокуренные, но душевные, и тогда им подпевал маляр, который размешивал в гигантской бочке известь, про которую он сам говорил, что она негашеная и ее обязательно нужно гасить. Для чего же ее нужно гасить, он никогда не говорил, держал в секрете. Любимая песня маляра была «Летка-енка» и он с чувством выводил: «Раз, два – туфли надень-ка, как тебе не стыдно спать...»

А рабочим с лопатами нравился «Гаудеамус», так же, как тощей морщинистой бабе, выгуливающей двух слюнявых бульдогов, которые ненавидели и бабу, и ее ошейники и намордники, и мечтали, как однажды доберутся до ее горла. «Гаудеамус» петь не получалось – слова были неизвестны, но получалось мычать, да так выразительно, что однажды во дворе появилась корреспондентка городского радио, и записала на магнитофон мычание, как образчик фольклора.

Со двора дом с колоннами не был похож на дом с колоннами, а на дом призрания, – никогда не отремонтированное, засыпанное пеплом, здание; пепел лез здесь изо всех щелей, и даже, если не было щелей, он все равно проникал во все комнаты – он был на губах, во рту, на руках, даже в карманах – пепел заносил все, особенно память.

В этом дворе нельзя было избавиться от ощущения, что за тобой внимательно наблюдает не одна пара глаз; так, наверное, и было на самом деле.

В общем, жара, пыль, безнадега...

Мне показалось, что в пепельном стекле на третьем этаже мелькнула женская фигурка. И сердце тотчас рванулось за ней, еще не узнавая, еще не надеясь: не может быть, неужели, как же так?

Да, да, да! Где же еще ей и находиться, как не здесь, в этом странном месте, через которое, похоже, проходит дорога в любую вселенную, в любой из бесчисленных миров.

– Смородина! – так звал я ее тогда.

– Смородина! – кричал ей вслед, когда она с подружками отправлялась в опасное путешествие – на танцы в клуб мехколонны №1, которая окопалась на строительстве плотины. Без малого пять километров до клуба, но какие там танцы – угар, сердцебиения, все на уровне инстинктов!

В мехколонне работало четыреста мужиков, и по субботам колонновское начальство устраивало для них, раскаленных от жары, распаленных тоской по женскому телу, культурный досуг – танцы под радиолу. Поначалу начальник колонны Карен Вазгенович запретил пускать на территорию мехколонны всех женщин моложе девяноста лет; «стоит появиться на предприятии хоть одной бабе, как можешь ставить крест на выполнение годового плана – начинается хаос», – говорил он частенько в кругу подчиненных. Но постепенно несколько женщин просочились в строгое мужское общество – не обойтись было без них в бухгалтерии, медпункте, на кухне. Прав был Карен Вазгенович, там, куда они пробрались, немедленно рухнул устоявшийся порядок. Мужики стали больше таскать свои царапины в медпункт, зачастили в бухгалтерию, на кухню, словом, туда, куда прежде они не особенно охотно ходили. Тут же, не отходя от конторы мехколонны, разыгрались любовные драмы, даже с мордобитием, приездом зареванных жен. План возведения плотины, конечно же, оказался под угрозой срыва. И тогда Карен Вазгенович, мудрец, решил: «Пусть на наши субботние танцевальные вечера приходят и девушки из окрестных мест, не препятствуйте им». Его голос был слышан, но девушки не сразу поняли, почему их дошлые подруги по вечерам в субботу торопятся в какую-то мехколонну, пусть она и №1.

А когда поняли, что четыреста мужиков кружат под радиолу стряпуху, санитарку и счетоводшу и готовы к чувствам, все как один, то слух о четырех сотнях пока одиноких мужчин ураганом облетел окрестности. В те дни люди разделились – на собирающихся на танцы в мехколонну №1 и на тех, кто говорил: «Чего я там не видел, пошлятина, грубая физиология...»

И как-то так получилось, что в рядах первых оказались в основном девушки, вторые – представляли противоположный пол.

– Чего им не хватает, – говорил тогда и я, вместе с другими, – в фурмачах – в городском саду имени Фурманова – отличные танцы под живой оркестр, вся золотая молодежь города здесь, но им нужно за чем-то нужно тащиться в мехколонну за пять с лишком километров, зачем?

– Смородина, и ты туда же? – спрашивал я у нее. – Там, под патефон танцуют, заводят колхозное буги-вуги и «Ландыши» – «светлого мая привет»... В общем, с приветом?..

Она смеялась тоненьким своим голоском, дразнила меня: «Ты бы видел мехколонновских парней – почти мексиканцы – горячие, небритые, сильные...»

Я притворно обижался, это такая была обижальная игра, и она приходила говорить: «Ну, ты что ль оскорбился до глубины души? Не глубокая, однако, душа у тебя...». Я обижался сильнее и получал в награду поцелуй. Если она успевала «обидеться» раньше, чем я, то она нагружала меня всякими мелкими поручениями, типа «Оторви листки с календаря, вечно у тебя «прошлое»...

– Может, как раз, я и хочу, чтобы прошлое подольше осталось с нами? – отвечал я. Как в воду смотрел.

Не помню уже, ходила ли она тогда с подружками на эти злополучные танцы, кажется, все-таки ходила – точно, ходила, а после, смеясь, рассказывала, как в

небольшой клуб набилась тьма тьмушая народа, в основном девушки, как повеселели лица мехколонцев, как погрустнели вчерашние примы – кухарка, стряпуха и санитарка.

– Там были очень интересные ребята, – продолжала она, – с одним меня познакомили, так вот он физиком-ядерщиком оказался, а еще он тонкий поэт...

Так она всегда дразнила и задирала меня, и я не придал особого значения ее рассказу, только заметил язвительно:

– Да, я тоже слышал, что мехколонна №1 решила сосредоточиться на ядерных проблемах, и сейчас уже все экскаваторщики переквалифицировались в физиков...

– Интересно, что ты будешь говорить, когда я вас познакомлю, – сказала она. – Хочу посмотреть в этот момент на твою противную рожу!

– Сама ты Смородина – уродина...

– Ах, ты так?..

Всю неделю она, нет-нет, да заводила разговор о своем новом знакомом.

– Борис, например, считает, что в будущем человек может сделаться рабом машин, разучившись выполнять хоть какую-то работу своими руками; человек забудет, как растет хлеб, как звенят на рассвете косы, не сможет отличить подберезовик от мухомора и, положась на безотказные автоматы, по сути дела подпишется под актом капитуляции перед роботами...

– Блестящий прогноз! – пытался я ее урезонить. – А главное – свежий и оригинальный... Футуристическая болтовня... А кто этот Борис?

– Какой ты забывчивый! Просто на грани фола!.. Я только вчера рассказывала тебе о нем...

– А, Эйнштейн нашего времени, теоретик на самосвале, – я постарался придать голосу максимальный сарказм. – Его волнуют мировые проблемы, а с лопатой в руках, безусловно, лучше размышляется...

Она надулась, Пришлось запускать отлаженный механизм «обижальной» игры, и он не подвел.

В обед:

– Борис чудесно готовит шашлыки... Приглашает нас в субботу на пикник...

Вечером:

– Что бы ни говорили о телевидении, а мне нравится в кино ходить. Вот недавно я посмотрела «Айболит-66». Смешная, умная и добрая картина; там удивительным образом законсервировано наше время. Когда-нибудь будем смотреть это кино и вспоминать шестидесятые... Вот и Борис считает...

Впервые я увидел Смородину, когда ей исполнилось пятнадцать. Я тогда уже жил в доме у самого Баскачкина моста и ждал Дашу, которая, не зная пока о восточке из зиккурата, устала надеяться и верить; терпение человеческое, даже самое несокрушимое, в один прекрасный день откажет, как почка, и не уговоришь его, не наобещаешь с три короба, – и сразу свет становится не мил, нервы и раньше были никудышные, бросаешься тогда в разные сомнительные предприятия. Даша чуть не уехала на поиски стоянки первого человека – Адама, звали ее и велосипедисты, которые поехали к истоку Урала (заманчиво перешагнуть Урал), а против пешего похода к чинкам Устюрта она не устояла, и целый месяц провела в песках Мангышлака, удивляясь долготерпимости и непритязательности суфи-

ев. Ей казалось, вернее ей хотелось, чтобы так казалось, что она вернее найдет Сашу, если сама будет искать его в разных городах и странах. Ей чудилось, что вот она сейчас в пустыне, где полста по Цельсию и ночью нечем дышать, а Саша замерзает в Гренландии девятнадцатого века, разогревая консервы «Китти Кэт», тоскует по дому, не зная, что он уже почти дома. В такие дни тоска становилась материальной, Даша тогда готова куда угодно, лишь бы не сидеть одной у окошка в доме на Буянной, слушая бой курантов часов из подвала.

Смородина, надеюсь, ничего не знала о моей прежней жизни, но иногда задавала вопросы, что казалось: ей известно все!

– Почему у тебя так мало вещей? – спрашивала она. – Где пузатые сундуки, где семейные фотографии в столетнем альбоме, где пачечки перевязанных лентами дорогих писем, где, наконец, прялка, за которой просиживала долгими зимними вечерами бабушка Фатима?

...Разве расскажешь ей все?

Она, любопытная, не отставала:

– Есть ли у тебя родные? Ты такой молодой, а живешь один? Тебе неприятно об этом говорить? А сколько тебе лет?

Я всегда говорил, что двадцать пять, а родителей не помню. Насчет родителей я не врал ей.

Мне показалось, что она может меня полюбить, и, кажется, она сама хотела этого. Мы бродили по улицам в сиреневую бурю, когда в одну ночь зацвела сирень во всем городе; Дина прикрывала нос платком – так вызывающе агрессивна была та весна, и этому сиреневому зову невозможно было противиться. Она стала оставаться у меня до утра, с рассветом вставала, делала обязательную зарядку, выпивала стакан молока, чокала меня в небритую утреннюю щеку, не очень страстно, по-утреннему – и убегала. Иногда она возвращалась в тот же вечер, а могла не приезжать два – три дня. Однажды ее не было неделю – я готов был сойти с ума! Она приезжала уравновешенная, спокойная, она улыбалась, и ее тоненький голосок быстро вылечивал меня от тоски по ней. От тоски.

Я и раньше убеждал себя – ни за что не влюбляться, иначе жизнь моя, и без того не сладкая, превратится в череду трагедий. Но как сдержат сердце?

Мне тяжело дался разрыв с горячкой, красавицей Хлоей. Ей было под сорок, а мне – всегдашние двадцать пять. Мы пробыли вместе десять лет, и разница в возрасте стала бросаться в глаза. Мы уехали в глухое горное местечко на Алтае, но и там были люди, и вместе с ними вопросы... Хлоя никогда ни о чем меня не спросила, только, когда мы расставались, сказала: «Ты прав, одиночество вдвоем страшнее всего!».

Я никогда не забывал Надии, наездницы, отчаянно смелой, безрассудной, она любила быструю езду, опасность кружила ей голову, как шампанское. Надия никогда не пользовалась дамским седлом, смеялась:

– Выбирая седло, помни, что оно – не только для тебя, но и для скакуна...

На этот раз меня зацепило сильнее всего.

Дина казалась беззащитной, ранимой, ее тоненький голос как бы все время просил защиты, но она была сильнее многих. И еще она была чуть-чуть фаталисткой, а можно быть «чуть-чуть» фаталистом? Она не задирала головы, страшась по весне братоубийственных сосулков (чему быть...), философски старалась относиться к жизни, и, кажется, к любви.

– Я же полюбила тебя, – иногда говорила она, – значит, пока ничего худого не произойдет, лимит худого исчерпан... Снаряд два раза в одно место не попадает.

Я не знал, смеяться ли мне, или обижаться?

Она поясняла:

– Вот уже без малого десять лет я каждый (нет, не каждый) день вижу тебя, и ты один и тот же. Ты не меняешься... Может быть, именно поэтому я с тобой... Ты даешь мне стабильность, которой мне не хватает; боюсь, без тебя меня закрутят такие круговороты, что... что... в общем, ничего хорошего...

Вот оно – «без тебя...».

И настал день, когда она познакомила всю нашу тогдашнюю молодую гопкомпанию с Борисом. Физиком из мехколонны. Она привела его на поляну Ханской рощи, где все мы любили выпить вина, поваляться на траве, побренчать на гитаре: «Ах, эта женщина – увижу и немею...», не горячась (ну, это кто как) поспорить о Велимире: поэзия началась с Хлебникова; все остальные только подражатели.

Как бы отвечая на недоуменные взгляды наших друзей, она объяснила:

– Представляете, еду я сегодня в автобусе на поляну, а Борис, оказывается, в том же автобусе и в ту же сторону, у него на Чагано-Набережной дядя-художник живет – вот я и пригласила его... Знакомьтесь, ребята!

И мне, едва слышно:

– Надеюсь, ты не ревнуешь? Не смей ревновать! Мы с Борисом только друзья, и все... Иди сейчас же пожми ему руку, он отличный парень...

Я пожал руку «отличному» парню, почему же не пожал? Рука была податливая, теплая и масляная, как чебурек, но за внешней податливостью чувствовалась стальная, неукротимая сила. Я даже растерялся вначале, как всегда мы теряемся, встречаясь с неожиданной силой. Наверное, он сгибал и разгибал конские подковы, как пластилиновые. И Борис заметил, что я распознал вторую (или первую?) его начинку. Он хохотнул, подмигнул мне:

– Как-нибудь поборемся, ладно?

Он на самом деле оказался нормальным парнем, сразу засучил рукава, принялся хлопотать у мангала, его бодрый, уверенный голос не потерялся в общем гаме; он и анекдотец еврейский рассказал, но не обидный, и песенку про затяжные таежные дожди спел душевно, и рассказал о новейших тенденциях в ядерной физике. Оказывается, некоторые молодые ученые прикреплены к небедным предприятиям – для прокорма, он числился консультантом по перемещению сыпучих материалов, а на самом деле занимается астрофизикой.

Интересно рассказывал о космосе, был уверен в том, что рано или поздно, но во вселенной будет установлен единый порядок – строгий, гармоничный, незыблемый. И устанавливать его станут межгалактические силы. Есть предположение, что на дальних границах галактики Темными мирами уже формируется ударная армада для вторжения и нейтрализации гуманоидов; в солнечную систему также будут посланы военные корабли, а также отряды для политической обработки землян.

– Ты-то откуда это знаешь, Циолковский ты наш? – перебил его я.

Он пропустил мои слова мимо ушей, продолжил:

– Более того, могу сказать, что разведчики Темных миров уже на Земле, и высадились они здесь не год, и не два назад... И дело свое они хорошо знают. Земля больше глобальной безопасности интересует: с кем спит Нинка из второй овощной палатки, побил ли град рассаду у соседа на бахче, и будет ли завтра получка...

Смородина даже захопала в ладоши, так понравилась ей борисова резкость, а я тогда подумал, что красавчик этот никакой ни физик, прикрепленный к мехколонне, не консультант по перемещению сыпучих веществ. Тогда кто он? Откуда взялся?

И еще я подумал, что Динку ему не отдам. Но разве тогда могло прийти в голову, кто это такой на самом деле? Ничего, попадутся нам эти куэнзимы, только ключья полетят по закоулочкам! (Когда Малика, читавшая вслух письмо Зайнуша, дошла до этого места, то Борис Иванович не удержался, хмыкнул.)

А Дина-смородина, похоже, вопросами себя не изводила, ловила его каждое слово, отзывалась на каждый жест. Мне только махала рукой, дескать, все в порядке, не тревожься, они с Борисом только друзья...

Я не знал, что так страшно наблюдать, как твоя женщина, которую ты ласкал еще сегодня утром, становится чужой. Она еще улыбается тебе, за столом подкладывает в тарелку лучшие куски мяса, еще спрашивает, как идет работа над книгой, но, вдруг тыловишь ее взгляд, полный тоски и нежности, и этот взгляд направлен не на тебя. И начинаешь замечать, то, что прежде было скрыто от тебя – тобой же самим. Как она говорит с ним, как протягивает к нему руки, как слушает его... Присмотрись внимательно: у нее новый телефон и она не выпускает его из рук, и понятно, ведь телефон этот звонит едва ли не каждую минуту, и она односложно отвечает: «Да, конечно, обязательно, непременно, я постараюсь, да, там же...». Спросишь ее: из офиса не дают покоя? Она легко соглашается, да, с работы достают, отчет требуют, придется ехать – ничего без меня не могут...

Тот пикник на поляне затянулся, уже и солнце покатилося в Урал, а мы все спорили о космосе, о женщинах – обо всем на свете. Наконец, собрались. Смородина повела плечами – вечера в Ханской роще бывают прохладные – и тут же на ее плечи легла легкая куртка Бориса.

Дина так горячо благодарила его, как будто он ради нее закрыл грудью амбразуру с пулеметом.

Она взглянула на меня, и мне почудилось в ее глазах легкое недоумение. Скорее даже раздражение. А точнее – неприязнь.

– Сегодня ночью я уезжаю в Мачулищи, – напомнила она мне. Действительно, там жила ее дальняя родственница, которая просила приехать к ней по важному делу.

– Поезжай, – кивнул я. – Приеду на вокзал, провожу...

Она замахала руками:

– Я налегке, у меня всех вещей – один небольшой портфель. – Сама прекрасно доберусь...

– Тем более, – встрял Борис, – что я тоже сегодня выезжаю в Минск, а это в ту сторону, что и Мачулищи... Я еще две недели назад взял билет на поезд номер два – от Москвы до Минска, вагон девятый...

– Ну, надо же! – изумленно вскричала Дина. – И у меня билет через Москву на Минск, и тоже на двойку. В это невозможно поверить, но мой билет тоже в девятый вагон!

– Я не удивлюсь, если окажется, что у вас и купе одно и то же, – мрачно пошутил я.

Смородина радостно засмеялась:

– Давайте сверим наши билеты, но я почти уверена, что и купе у нас одно! Просто сегодня такой волшебный вечер... Правда, Борис?

– Волшебный, – согласился Борис, – Такое иногда случается, когда все сходится, все подходит друг другу, а бывает наоборот...

– Я так и знала! Иес! – завизжала Дина. – Билеты у нас в одно купе! Я говорила, говорила!..

Она так неприлично радовалась, что даже Борис это понял и отступил на пару шагов назад, справедливо опасаясь прямого в челюсть.

Если бы я не знал Смородину, то мог бы поверить, что она подстроила все эти совпадения сама, но она не умела врать, и не училась.

И они с Борисом уехали.

Мои друзья стали разговаривать со мной, как с больным ребенком.

Через три дня пришли две открытки, совершенно одинаковые, с мрачно-ватыми картинками Полесья. В открытках было по два слова. В первой: «Едем чудесно». Во второй: «Все хорошо!»

Хорошо ей.

Следующие две недели от них не было ни слуху, ни духу.

Потом, как будто, она присылала письмо подружке, в котором объясняла, почему они ничего не пишут, хотя собирались писать ежедневно.

– Не тревожься, – сказала она мне на вокзале, куда я все-таки пришел ее провожать, – ты будешь в курсе всех моих передвижений и дислокаций... И, пожалуйста, выкинь свою ревность...

Я бы выкинул... Я перестал спать, есть, читать газеты, смотреть футбол... Я старался не думать о ней, но только о ней и думал...

Она прибежала ко мне вечером того же дня, когда вернулась из Мачулищ.

Говорила без умолку – щебетала своим тонким голоском.

– Минск – чудесный город, оказывается, его название прежде было Менск, что доказывает его торговое значение. Я привезла тебе подарок, – рассказывала она, – это белорусская «вышиванка», тебе будет хорошо.

Она заставила меня облачиться в расписной наряд, попутно рассказывая историю братского народа:

– Городу почти тысяча лет, он стоит на слиянии рек Немига и Свислач... А национальное блюдо называется «драники», я ела и мне понравилось...

Я спросил про тетю, Дина ответила, что та еще крепкая старушка, но вбила себе в голову, что ей грозит серьезная опасность со стороны межзвездных сил. Как только Дина не успокаивала ее, приводила несокрушимые аргументы в пользу того, что опасность со звезд – это полный нонсенс, как кот с собачьей головой, – и тетка охотно соглашалась с этим, но только Дина собиралась выйти за дверь, как та принималась рыдать, трястись, как осенние листья на ветру. Дина не могла долго находиться в Мачулищах (при слове «долго» Дина быстро взглянула на меня) и должна была возвращаться (еще взгляд), но и тетю нельзя оставить. Пришлось брать тетю с собой. И теперь они с ней ютятся в крошечной квартирке Дины...

– Вот почти полный отчет о моей деятельности в Белоруссии, – сказала она, и ее голосок осилил саркастическую интонацию. Почти саркастическую...

Я спросил, нормальна ли тетя с точки зрения психики?

– В том-то дело, что она нормальнее нас с тобой, – сказала Дина, – и вот она утверждает, что на Землю время от времени высаживаются десанты пришельцев из космоса. По ее мнению счет идет уже на тысячи. Совсем скоро космические

разведчики перестанут принимать облики землян, это будет означать, что планета наша полностью контролируется куэнзимами. Они установят такие порядки, что небо покажется с овчинку.

В ту, далекую теперь, пору мы все пили «Вино из одуванчиков», боялись пораниться «Лезвием бритвы», знали, что «Понедельник начинается в субботу», легко выговаривали имена ушедших за пределы Великого Кольца. Эрг Ноор, Дар Ветер, Веда Конг, Рен Боз, Мвен Маас, Низа Крит, – казалось, что так будут звать уже наших детей. Но годы прошли, а мы так и не дождались экспедиции, ушедшую когда-то на «Тантре», и сотню других звездолетов, растворившихся в ледяной пустоте в поиске разумных существ. Я не знаю, разумно ли снаряжать миллиардные экспедиции, результаты которых услышат наши пра-пра-правнуки, у которых накопится такое количество унылых отчетов: «Гуманоиды не встречены, гуманоиды не найдены; список привезенных полезных ископаемых прилагается», что каждый запуск ракеты будет в обществе считаться неприличным. Космонавтика, все эти космодромы, спутники, распределение мяса по карточкам, майор в двадцать лет, – начинает выдыхаться, уже мальчишки не грезят наяву крабовыми туманностями, спиральными галактиками, а идут в банки, идут в юристы, но больше всего в стоматологи.

– А, по-моему, все эти слухи о пришельцах несколько преувеличены, – весело (а чего он радуется?) произнес Борис Иванович, когда Малика дочитала письмо Зайнуша до этого места.

– Может быть, может быть, – ответил ему Табов, и пристально посмотрел на попутчика.

Продолжили чтение письма, присланного Зайнушем с голубиной почтой: «Дина изо всех сил, всем своим видом старалась показать, что ничего особенного не произошло, ну побывала она у тети, и вот вернулась благополучно, соскучилась сильно – и по городу, и по друзьям, ну, а больше всего – обо мне.

Она радостно смеялась, одаривая меня сувенирами из Мачулищ. Вручила брелок для ключей, красный галстук, и при этом была естественна, спокойна, что я, честно говоря, испугался: куда подевалась девушка с тонким голоском? Голос остался, но главное в нем – душевный трепет – исчез, или мне показалось?

Потом мы пили с ней чай, и она все рассказывала и рассказывала о лесах Белоруссии, о том, что у каждого села стоят христианские кресты, что страну эту очень любят аисты, и аистов здесь очень любят... Спросила, как продвигается книга. «Никак», – ответил я вполне равнодушно, и это было правдой. Когда она уехала, у меня все валилось из рук, Я не мог сосредоточиться на самых простых вещах, даже курить бросил, потому, что забыл, как прикуривать сигарету. Какая уж тут книга. Мне противно было даже думать о том, что надо бы подняться, взять перо, бумагу и укладывать слова ровненько, как шпалы. Что-то в последнее время слов было так много, что не только их записывать, но даже произносить лишний раз не хотелось.

– За эти дни я пристрастился к резьбе по дереву, – сказал я ей.

Она не смогла сдержать возгласа разочарования:

–Резьба!..

– Я давно хотел попробовать, но все руки не доходили. Не я придумал, что дерево – материя, одушевленная... Эта одушевленность как будто требует самовыражения, дерево само подскажет художнику, что в нем есть такое, чего нет в другом дереве... Податливость дерева обманчива, деревянные строения стоят долгие века...

И я показал ей доску с ее портретом.

– Извини, – сказал я, – вырезал по памяти...

– Это точно я, – сказала она, – тебе удалось передать мои слабости: нерешительность, легкоеверие, упрямство... страх перед будущим...

– Не слишком ли много недостатков ты присвоила себе? Спросил я у нее – А что же останется мне? Отчаянье, ревность?..

Она ничего не сказала, перебирая вырезанные мною безделушки – фигурки зверей, птиц, ковшики для кваса. Я тоже молчал, было слышно, как где-то невообразимо далеко цокают копыта, скрипят тележные колеса, шелкает кнут и покрикивает возница.

– Что за тарантасы тут проезжают? – спросил я, чтобы не висела предрасстрельная тишина.

– Здесь неподалеку проходит почтовый тракт, – ответила она. Я взглянул на нее: какой почтовый тракт, в двадцать первом веке живем! Она и сама растерялась: что произнесли ее уста без ее воли?

– Бывает, что внезапно рядом с вами возникает нечто, какой-нибудь пустяк, и это такая мелочь, что даже говорить о ней не стоит – какой-нибудь носовой платочек или слово, которое вдруг начинаешь произносить, а раньше не произносил, или, наоборот, ты не произносишь его, но оно постоянно присутствует рядом, и все знакомые, вся родня, даже не успев освежить полость рта гигиеническим зубным порошком «Свобода», начинают потчевать тебя каким-нибудь трудновыговариваемым «менеджментом». Менеджмент тут, менеджмент там, здесь выставка менеджмента, самые редкие экспонаты... Или придумают «легальное оружие» – это такое, которое будет убивать до смерти. И думаешь: а все прежние пулеметы, гранаты и двуручные мечи – они припасены были для любовных утех?..

Часто эти возникающие мелочи, не стоящие хоть какого-то внимания, открывают ворота в параллельный мир. В жизни не бывает мелочей, в ней нет пустяков, хватит беллетристам искать курьезы и описывать их в многотомных романах... А носовые платки, они подброшены нам, как Фриде, за грехи – и замаливать нам их, вовек не замолить. Кто только не находил эти самые платки – и в Великой английской, и в жгучей испанской; а французские сочинители так засыпали всю Гревскую площадь этими, ни в чем не повинными, предметами гигиены...

Так что, и мне не очень стыдно за это.

Да, где же он, наш носовой платок?

Я уголком глаза рассмотрел, как Дина, которую я еще недавно звал «Смородина», выронила из сумочки обыкновенный белый платок. Его можно было принять за женский платок, но он был мужским, и чтобы не ошибиться, в уголке красным мулине было вышито «Боря».

Я поднял платок и отдал его Дине. Она смутилась, но быстро справилась со смущением. С минуту помолчала, решила не врать.

– Надеюсь, что я ничего не обязана объяснять? – спросила она.

– Ни в самой малой степени, – ответил я

– Тогда я пойду? – спросила она. – Меня тетя ждет... Она собирается идти в министерство обороны, чтобы там были начеку.

– Прощай! – сказал я.

– Звони, если что, рада буду помочь...

Она чмокнула меня в щеку, и быстро ушла, как будто каждая секунда со мной ей давалась с большим трудом.

Больше я ее не видел. Слышал, что она переехала в новый дом (вот он какой новый – 200 лет ему), что Боря ее бросил той же осенью, сошелся с Симой, маникюршей. После Симы он опять вернулся к Дине, потом утащил у нее старинное ожерелье тети – и бросился в бега, но через семь лет вернулся – и Дина опять его приняла. Она любила его, и не оставила Бориса даже, когда его уличили в шпионских связях с инопланетными разведчиками – куэнзимами, лелеющими мечту превратить всех гуманоидов в совершенно одинаковые сиреневые кристаллы; сиреневый, фиолетовый и черный считались цветами верности, спокойствия и глубины.

Зато тетка Дины удостоилась всемирной известности. Она оказалась первой женщиной, призвавшей народ на борьбу с коварными пришельцами. Ее наперебой приглашали выступать по телевидению, и она научилась говорить без бумажки, сменила галоши на красные высокие сапоги, прикрывающие колени, купила зажигалку и пачку тоненьких длинных сигарет, и уже через год ее принимали за американку. Она у всех спрашивала «Do you speak English?», что складывалось впечатление, будто ее томит отсутствие достойного собеседника: да, сэр, никогда, сэр, уберите, наконец, свой любопытный нос, иначе мне придется укоротить его! Сэр!..

Потом, я слышал, произошла какая-то история с ее письмами: то ли в них все было про любовь, то ли, наоборот, – про ненависть, но только попали они туда, где каждый трамвайный билет изучается тщательно, не торопясь, при помощи огнедышащих машин, которые находят тайный смысл в любой запятой, любом пробеле. В общем, она как-то вывернулась, но он сдал ее – и в Министерстве честности и воздержания вынуждены были еще более двух лет помогать Дине доказывать свою лояльность.

Когда Смородина бросила меня, она, может быть, думала, что все, в общем-то, останется на своих местах, мы всей своей компанией по-прежнему будем собираться на поляне, просто она теперь будет не со мной, а с Борисом – да здравствует лето, да здравствует Ханская роща!

Но все изменилось в один день. Мне меньше всего хотелось на поляну, мои друзья тоже охладели к роще на Чагане. Поляна быстро заросла тальником, шиповником, ее опутали лопухи – и она пропала.

Я покидал в рюкзак свои пожитки, зашел в редакцию нашей областной газеты, спросил: нужны ли будут репортажи о вещах чудесных, которые часто случаются с пешеходами?

Тогда все посмотрели на меня, как будто оценивали: бросится этот лохматый кусаться, или еще повременит?

– Ну что ж, чудесного не хотите, а другое меня не интересует, – сказал я, и по Большой Михайловской отправился прочь из города. Ко мне немедленно пристали с полдюжины попутчиков, и ни один из них не спросил: куда, мужики, идем? Так мало иногда нас интересует результат, мы сосредоточены на процессе.

Мы шли одиннадцать суток, не торопясь, и многие другие путники нас перегоняли, и выходило так, что ушедшим вперед доставались почти не обкусанные куски, и прибившиеся попутчики стали роптать. Громче всех вопил мужик с заскорузлым, как пятка, лицом. «Сколько можно измываться над живыми людьми, – канючил он. – Двенадцатые сутки без привалов, пища некачественная, вода

из отравленных забвением колодцев. Как это можно переносить современному человеку, скажите мне? Требую хоть каких-нибудь удобств! В противном случае я и мои люди оставляем за собой право выхода из состава экспедиции. Согласные с ним закивали головами, не прекращая размеренного движения туда, не зная куда. Рядом со мной уныло брел человек, у которого все было фиолетово – и руки, и лицо, и одежда. Он напоминал кого-то из великих ученых, но кого, я не мог вспомнить. Кажется, Галилея. В ногу со мной шагал мужик, которого не взялся бы описывать даже Горький, хотя мужик явно был из пролетариев; классик не смог бы обнаружить у него ни одной отличительной черты – все у него было, как у всех. Хоть бы прыщ на носу выскочил! Все идущие толкали, шпыняли его, не по злобе, а просто не замечали.

Где-то уже я видел эту троицу...

С трудом я выяснил, что нахожусь в составе наземной экспедиции, которая расследует обстоятельства остановки времени.

Участницы экспедиции вели опрос всех встречаемых: может, кто видел, может, кто слышал, а, может, сфотографировал или даже зарисовал момент остановки времени? Что этому предшествовало, что произошло непосредственно после остановки, может быть, появлялись подозрительные личности?

– Так-то ништяк, без всякого времени: когда хочешь – приходишь на работу, когда хочешь – уходишь, а потом – башмаки не снашиваются... Никто не подгоняет, не орет насчет плана... Так что, безвременно не очень напрягает простых людей... Ну и что из того, что на Земле из-за остановки времени появились какие-то инопланетные существа, так они нас не объедят, тем более, что питаются колорадскими жуками, а у нас этого добра больше, чем в Колорадо. Тем более, что правительство принимает меры: только вчера по телеку показывали, что прочь с Земли отправлено почти сто куэнзимов, находившихся на Земле без документов, без регистрации.

Другие встреченные экспедицией люди, говорили, что всех пришельцев надо вычислить и сразу расстрелять, чтобы знали. И безвременно надоело, у нас чуть что, так сразу семибоярщина, или Гришка Отрепьев... А какое-нибудь завалившее, безымянное безвременно, когда все трактора ржавеют, станки старятся, и повсюду исчезают папиросы, и перекуры становятся все длиннее, а хлесткая, революционная фраза из холеной юной красавицы превращается в беззубую старушку, вывалившую на головы прохожих полувековые сентенции – нам такое безвременно не нужно...

Третьи требовали, чтобы время не только немедленно запустили, но и ускорили его, как минимум, в четыре раза, чтобы дни получек приходили быстрее.

Многие попадавшие нам старушки (так уж вышло, что по утрам именно они активны) решались присоединиться к экспедиции, вскоре названной маршем «Мир без куэнзимов». Конечно, многие думали, что эти самые куэнзимы – нечто вроде пищевых добавок. Но кое-кто знал даже больше этого.

Я говорил себе строго: нужно забыть Дину, да поскорее, но не получалось. Ее тоненький голосок звучал все время где-то глубоко во мне. Одна старушка из экспедиции посоветовала мне вкрутить в ухо круглосуточный плеер с Deep Purple или Black Sabbath – и эти ребята постараются, чтобы вы больше ничего не слышали. Это звучало устрашающе, и я повернул назад. Тем более, что все бабушки постарели на один день, а я – нет.

Я изнурял себя, ходя из города в город, из царства в царство. Кормился все той же резьбой по дереву, особым спросом пользовались литровые пивные кружки и березовые портсигары... Я был в Китае и там прослыл бездельником, потому что осиливал выстругивать и собирать пять портсигаров за день; любой китаец шутя сделает в десять раз больше... Я прошел из края в край по доступной пешеходу Европе, и студенты из России приютили меня в крошечной квартирке в Праге, и мы ходили к ратуше слушать диксиленд (а голосок все звенел), я был в Германии любовался ее ландшафтами и думал, зачем тевтонам были нужны мечи, топоры и копья, ведь ясно, что ничего прекрасней своей собственной земли они не сумеют завоевать, потому, что ничего прекраснее ее нет...

Но прошло лет двадцать, или сто, пока однажды утром, когда я уже спросил у себя, помню ли я тот тонкий голосок, я, вдруг, не понял, о чем это я? Как зовут эту женщину, кто она? И почему я уговариваю себя забыть ее?

Согласен, согласен, вы никогда не забывали своих возлюбленных, особенно тех, которые бросили вас. А я забыл... Как и она тоже...

Вслед за мной попытались дезертировать и некоторые другие члены самозванной наземной экспедиции, но старушки прикрикнули строго, знай, человек, свое место, и наши пути со стихийной экспедицией разошлись...

Я посмотрел на окна, в одном из которых мне померещилась Дина, но за раскаленными на солнце стеклами – ни тени, ни отражения – ничего не было заметно.

Тогда я крикнул негромко:

– Дина!

И она откликнулась:

– Я здесь, рядом!..

Я огляделся в этом знакомом, никому не известном дворе: мужики неустанно сдвигали стаканы с портвейном (а, может, хересом, а, может, мадерой), маляр, как алхимик, колдовал у бочек с известью (когда уж он побелит-покрасит все вокруг, преобразит этот зольный, пепельный, застоявшийся, как воздух темницы, мир?), – все во дворе было по-прежнему, и только баба с громадными бульдогами на поводках бросила поводки, закрыла лицо руками, и плечи ее сотрясал не то смех, не то плач – издалека не разберешь, но кажется все-таки – не смех.

Я бросился к ней (что делают с нами годы!?). Я протянул руки, чтобы обнять ее. Но едва моя рука прикоснулась к ее руке, как небо над таинственным двором взорвалось дюжиной разноцветных молний, которые прошипели под раскаленным солнцем, как елочные хлопушки, но их энергии вполне хватило на то, чтобы баба с бульдогами оказалась на балконе третьего этажа.

– Я здесь, здесь! – кричала она тоненьким голоском, но я уже понял, что этот двор, как раз то место, которое охраняет нас от прежних возлюбленных, от вчерашнего дня, и мне не подойти к ней. Но я попробовал еще: сделал несколько шагов в направлении балкона, на который вознеслась Дина, как меня какая-то незримая сила отбросила назад.

– Аннигиляция, – объяснил один из мужиков от мадеры. – Здесь у нас все уравновешено и живет условиями этого равновесия... В этом дворе, этом доме – так уж сошлось, а, может, исполнился злой замысел какого-нибудь бездомного бедолаги, сошлись воедино, встали в ряд, не уступая друг другу ни пяди, все мировые энергии. Все двенадцать.

Я со школьной скамьи помнил, что мировых энергий, как будто, восемнадцать: энергия обмана, энергия правды, энергия попутного ветра, энергия скитаний...

– А пятая энергия здесь есть? – уточнил я у него.

– Это, почитай, самая главная, – сказал он, – энергия притяжения... она всех, норовит притянуть друг к другу, но тут как тут закон Аннигиляции, по которому родственные души отталкиваются друг от друга, и сгорают в одиночестве...

– А если не родственные? – спросил я.

– Сгорают от одиночества, – был ответ.

– Выходит, все сгорают от одиночества?

– А ты как сам думаешь? – хитро прищурился он на меня.

Дина продолжала кричать:

– Я – на балконе! На третьем этаже!..

– Не вздумай пойти, турист! – сказал маляр, – нельзя допустить, чтобы хоть какая из энергий достигла критического значения, иначе Аннигиляция спалит всю солнечную систему... Здесь полно и вещества, и антивещества – так полыхнет, что на Альдебаране увидят.

– Запомни, квартира номер восемь, – кричала бывшая Смородина. Она ли?

– Запомню! – ответил я, и вышел со двора с ощущением, что нечто важное уже забыто мною, что?

Изо всех сил рванул назад, крича на ходу:

– А энергия любви есть? Энергия ревности?

– Не слышал я о таких энергиях, – сказал маляр и на всякий случай отошел от меня на пару шагов – ну, как шандарахнет Аннигиляция; она не щадит никого, на то она и закон природы.

Как не больно было мне, даже не подойти к тоненькой моей девочке, я только помахал ей издали, и она все поняла, и до меня только донеслось короткое «Жду!»

Ворота во двор были распахнуты. Я попытался вспомнить – закрыты ли были они, когда я сюда пришел, то есть полчаса назад. Готов был поспорить, что ворота были замкнуты. Кто их открыл? Капитанская жена, Смородина, а, может, вообще завелся лазутчик, разве такого не бывает? К примеру, живет человек, хлебает счастье ковшом, – и дача есть, и квартира – трешка в крупнопанельной пятиэтажке – тоже есть... А ему еще больше надо, купил норковую шапку, нахлобучил ее на глаза, так что, ничего не видно, да и слышно плохо, и просмотрел, как его нежная Люся записалась куда-то в зал – не то танцевать, не то железо мучить, в общем, каждый вечер куда-то уезжать.

– Скоро буду! – кричала она ему, не останавливаясь, детей накорми, спать уложи, на сон почитай им сказку, только умную и не злую.

Он читал, наполовину сам придумывал, убрал из сказок Змея Горыныча, Бабу Ягу и Кошечу Бессмертного, подумал-подумал и убрал Иванушку-дурачка, – ну, что за лузер затесался в их счастливую сказку. За ним последовали Царевна-Лягушка, Лиса, обожравшаяся щучатиной, – и дальше все подряд...

И до того детям надоело слушать сказки без героев, что они так возненавидели все свое родное, национальное, народное, что вскоре они поступили в иностранный институт, где все говорят на иностранном языке, а это уже само собой подозрительно.

А что у них на столе, что они, стьюденты эти, пищей называют? Просто страм, какие-то боргеры и фреши – ни борща, ни драников.

Не такая ли, опустошенная иностранщиной, душа гостеприимно распахнула ворота: ступай мил-человек туда, где все непонятно, где туманы и по утрам, и к обеду, и даже ночью, ходи, да оглядывайся, держи всегда руку на эфесе шпаги, носи под камзолом тонкую, почти невесомую – шесть-семь кило – кольчугу из толедской стали, а такая бывает? Мы с подозрением относимся к распахнутым воротам и лезем через забор там, где открыта настежь калитка. А вдруг там растяжка? Мучимый сомнениями, я пересек линию ворот, и оказался...

Глава пятнадцатая: ГЛАЗА В ГЛАЗА

Между тем подзабытый нами (но не Дашей) Саша размышлял над решением мировой задачи – скорейшего запуска времени, которая многим казалась неразрешимой, а многие недоумевали: ну, нет его, времени, и не надо, что хорошего от него видели все мы? Вспомните, как, засидевшись за покером до рассвета, невозможно было заставить себя идти на завод, к станку, вытаскивать постылую гайку? А разве можно забыть, как быстро пролетали годы, щелкая, как счетчик в такси; еще не тронулась машина с шашечками, а уже на табло счетчика цифры – за посадку.

Проклятые вериги времени! Сегодня они спали со всего человечества; теперь можно валяться в койке хоть до обеда, и сутками резаться хоть в карты, хоть на рулетке испытывать судьбу. Точно! Остановил время заядлый покерист, преферансист, большой любитель «дурака»...

Знали бы, рассуждающие подобным образом, насколько они близки к истине! Теперь вполне можно сказать читателю, да он и сам давно догадался, что время остановлено космическими разведчиками – куэнзимами по личному заданию последнего титана. Как-то раз Ехарный Бабай двое суток не выходил из казино, проиграл свою зарплату за два года, проиграл московскую квартиру, к тому же, формально принадлежавшую сотруднику отдела, который титан возглавлял, – врагу человеческому с маленькой буквы.

Тот, конечно, даже вида не показал, только желваками заиграл: ничего, дескать, особенного не случилось, с каждым бывает, все равно квартира пустует, пока враг человеческий проживает у своей новой пассии (да, да, под видом молодого физика-ядерщика, которого Дина полюбила, в ее дом проник ловкий пройдохакуэнзим. В ту пору как раз в прессе развернулась нешуточная дискуссия о недопустимости ксенофобии – гости со звезд такие же живые существа, как и мы с вами, и не должны чувствовать себя изгоями в нашем обществе. Человечество всегда мечтало о встрече с братьями по разуму, и вот контакт де факто состоялся, нужно полагать не за горами и встреча на высшем уровне, когда придут официальные представители куэнзимовских властей, и мы будем иметь честь приветствовать их от лица всей Земли (эх, наивные, легковверные земляне!).

Как ни бодрился враг человеческий с маленькой буквы, как ни уверял коллег, что все равно квартира была не ахти какая благоустроенная, – и крыша протекала, и проводка искрила, – но все равно слухи о том, что руководитель такого уровня по сути дела обобрал подчиненного, стали проникать в высшее командование межзвездной разведки и безопасности, и последнему титану грозили неприятности, вплоть до ссылки на Альдебаран. Свою судьбу враг человеческий даже не мог представить.

Расплата не заставила бы себя ждать. С мздоимцами, растратчиками, кутилами за чужой счет в Темных Мирах поступали строго. Но тут выплыл проект переброски отрицательных энергий в прошлое и будущее. Скажем, насколько эффективнее стала бы война, если бы ветеранов Бонапарта удалось посадить на бронетранспортеры, а рыцари Алой и Белой роз получили бы реактивные штурмовики. И столетняя война могла бы растянуться лет на пятьсот, получи джентльмены и месье в свое распоряжение хотя бы простенькое стрелковое автоматическое оружие.

Ехарный Бабай сразу понял, что все свои грехи (спекуляции землей, самогонварение в промышленных масштабах, массовое распространение проституции, плагиат и многое другое) можно спрятать во времени, особенно в остановленном. Высшему начальству он представил обоснованный план манипуляций со временем для достижения на Земле сначала полного хаоса, а потом уже – высшего сиреневого порядка. Начальство поломалось для порядку, укоротило бюджет, пару мелких чиновников бросило в темницу и, в конце концов, утвердило план. Не без мзды, конечно.

И время остановилось. А чуть позже лично по заданию титана Борис Иванович, специально отозванный на день из познавательной автомобильной поездки (Табов, Малика даже не заметили его отсутствия), установил в доме Даши хитроумную, как оценил ее сам Ехарный Бабай, ловушку. В мельчайшие подробности операции коэнзим, конечно, не был посвящен, ему для чего-то было поручено где угодно найти и доставить в дом Даши как можно больше – километры и тонны – паутины.

Борис Иванович с честью выполнил не очень ему понятное задание, титан сказал ему по телефону:

– Я слышал, что ты у нас успешен по бабской части? С этой Диной по-нашему вышло... Да, не трясись, пока не накажу. А если сумеешь уговорить ту самую девку, так еще награжу!

– Постараюсь! – обещание прозвучало как клятва.

Когда Борис Иванович возник в автомобиле, то только Даша хоть что-то сказала ему:

– Сколько у тебя паутины на пиджаке, тебя, что ли, пауки хотели утащить?

И она сочувственно улыбнулась ему.

...Прогрессивные ученые, а вместе с ними Саша, не досыпали ночей, разрабатывая механизм запуска времени, но как ни старались лучшие галактические умы, механизм получался корявым, если не сказать больше – уродливым. На нем очень удобно было играть в тетрис и Дюка Ньюкома, но никто точно не знал какие семьсот кнопок из десяти тысяч установленных на умном приборе, нужно нажать, и в какой последовательности, чтобы ожили электромоторы, завертятся шестеренки, принялись перемигиваться разноцветные лампочки. Ждали главного наладчика, самого профессора Сбруева-Талгарского, который собаку съел на наладке сложной бытовой техники. Он обессмертил свое имя, вдохнув жизнь в электронную сковороду, в электронную же систему борьбы с бессмертными домашними тараканами. Но знаменитый профессор опаздывал как раз по причине остановившегося времени; разладилась работа общественного транспорта: утренняя электричка едва попевала к полуночи, самолеты старались не взлетать, а если взлетали, то ревели двигателями над самой землей, от чего у женщин пропадало молоко.

Перламутр Первый не обманул, путешественники смогли на Перламутрии перевести дух, отдохнуть перед дальней дорогой... Да, к слову об этой самой дороге... Может, приходит время оседлости? Время решений и стабильности.

Если вы помните, мы расстались с Сашей и его спутниками вскоре после того, как оттремел Иканский бой. Тогда же состоялось триумфальное явление и преображение Перламутра с порядковым номером 7524 во всесильного (по виду) владыку Перламутра Первого, Короля Западного Ринга, Повелителя Дальних ристалищ, Великого диктатора Вечерних полей и Утренних болот. Состоялась и встреча братьев по духу, скитальцев Саши и бывшего баскака Зайнуша. Один неспешно, как ледокол, шел по своему пути, перешагивая через годы – Грунька наказала его вечностью, а другой, создавая парадоксы во времени и пространстве, норовил не идти со временем рука об руку, а нестись впереди него; оба они – реальность обновляющегося мира.

Зайнуш рассказал Саше свою историю, и тот несколько не удивился. Он только спросил у Зары:

– Что нам книжечка пудовая пророчит?

Зара открыла инкунабулу, Саша тоже заглянул в волшебную книгу, но ничего не рассмотрел, кроме ровных рядов неизвестных ему пиктограмм.

Зара полистала книгу, и Саша невольно залюбовался девушкой, и тут же отметил про себя, что и Зайнуш, юный, как весенний Аполлон, не сводит с нее восхищенных глаз. Игла ревности уколола его в самое сердце.

Между тем, свита Перламутра Первого, Повелителя дальних ристалищ явно готовилась к убытию: тушили костры, закапывались в песок пустые консервные банки – для скорейшей утилизации, собирались тщательно пустые бутылки – в любом уголке галактики можно сегодня сдать тару, или обменять пустые бутылки на полные.

Раздались невообразимые вопли. Это герольды Перламутра Первого (а ведь был такой же, как все мы) принялись объяснять всем присутствующим, как им повезло встретить всесильного владыку со своей свитой.

– Все вы награждаетесь памятной медалью «Перламутр – жемчуг мира» и путевкой в город Солнца, в столицу благословенной Перламутрии – на четырнадцать лет, с предоставлением жилья на выбор (из ветхого фонда)...

– Отдохнете, душ ионный примете, отведаете наших национальных кушаний, и если захотите продолжить свой путь, мы препятствовать не станем..., – негромко произнес царь. – Хотя скажу по секрету, что люди нам позарез нужны... Население нашей планеты растет стремительно, только за последние годы прирост составил почти пять сотен душ, но этого едва хватает на пополнение рядов государственных чиновников, полиции, тайных служб. Смешно сказать, но в армии Перламутрии пять генералов, два адмирала и восемнадцать нижних чинов. По сути дела планета с образовавшимся на ней молодым государством была беззащитна перед угрозой из космоса, как опасалась она и внутреннего врага – многочисленных карбонариев, гарибальдийцев, либералов всех мастей, предпочитающие именам клички.

– Погостите у нас, – попросил Царь, – ваш визит может хотя бы отсрочить выступление враждебных сил...

– Хорошо! – согласился Саша. – Отдых не помешает... Но сможем ли мы воспользоваться вашим средством перемещения в пространстве? Насколько я понимаю, несмотря на остановленное время, таким средством вы располагаете...

Повелитель Дальних Ристалищ сокрушенно развел руками:

– Боюсь, что вынужден огорчить вас... Зная, как долго вы... ты ... не были дома, как скучаете вы по Даше, я все-таки настоятельно прошу не прибегать к нашему мыслелету, аппарату несовершенному, более того – не гарантирующему возвращение. И самое главное – мыслелет не перемещается из реальности в реальность, а по вашей памяти, по вашим эмоциям генерирует реальность во многом вымышленную, обманную, больше похожую на сон. Как сон, он может прерваться в любой момент. Конечно, не все так просто, ученые обнадеживают: если уж доказано, что слово материально, то мысль и подавно. Но когда это будет – через сто, тысячу лет – никто сказать не может. Сила мысли уже сегодня переворачивает на море корабли, осталось только научиться переворачивать вражеские, а не свои собственные, – вот это главный фокус... В общем, не рекомендую вам мой скромный кустарный мыслелет, хотя, как царь этой планеты, я мог бы просто запретить использование мыслелетов. Кстати говоря, наше царство мыслелет запретило сразу и бесповоротно, вплоть до смертной казни. Только вчера состоялись массовые казни – на все вкусы – четвертованья, усекания голов, для любителей горяченького – котлы с кипящей смолой... Счет экзекуциям шел на многие сотни.

– Перламутр, кончай трепаться, – негромко сказал Саша грозному властителю, чтобы не слышали подданные.

– Я заполучил в свои руки важную информацию, – продолжил он.

– В государстве много бывает секретов, – осторожно повел разговор Царь. – Малые и большие секреты, государственной важности или районного значения... А некоторые – самые нелепые – я сам придумываю и распространяю повсюду. Я не люблю правду, как всякий государь, признаюсь тебе в этом... Говори, если уж замахнулся!

– Скажем, реальное число твоих подданных наверняка – тайна за семью печатями. Я уж не знаю, как тебе удастся дюжину людей выдавать за ликующую толпу, но мне с первой минуты намозолили глаза одни и те же лица... Несмотря на переодевания, петушинный грим, я быстро пересчитал ликующие массы – и получилось девять человек...

– Семеро, – потупился властитель. – А как же народ содержать в страхе и повиновении? Как отбиваться от полчищ Руководства, которое имеет старые счета к талантливому изобретателю и ученому?

– Так и быть, – сказал Перламутр, – за неразглашение этого государственного секрета (а все так и думают, что счет идет на многие тысячи), можете воспользоваться моим персональным мыслелетом.

Саша не сдержался, хохотнул – так комично выглядел со всей своей свитой из семи человек Перламутр Первый.

– И зачем тебе это нужно, изобретателю электрических ракет? – спросил у него Саша. – Ну ладно, идет в политики незрелый народ, неучи, любители краковской колбасы и теплого пива, – эти быстрехонько кого-нибудь расстреляют, примут закон о моратории на смертную казнь – и на всех порах в Куршавель – писать мемуары, но у тебя-то путное дело в руках есть, ты же совершенно конкретный человек и, для чего тебе эта картонная корона, жестяной меч и придуманные два часа назад титулы?

Перламутр пригорюнился, сказал с обидой в голосе:

– Вот, и ты меня осуждаешь... А, между прочим, наша молодая монархия спасла множество людей от преследований по политическим мотивам, от внесудебных

расправ... Мы ведем нешуточную борьбу с Междупланетным Руководством. Здесь нам помогает старенький мыслелет. Мы посылаем в недалекое прошлое группу бойцов, и они загодя решают в нашу пользу исход будущего сражения. Причем, совершенно бескровно, никакой уголовщины, никаких крысиных ядов, обходимся даже без наведения порчи. Приглашают тамошних военачальников, как бы в знак примирения, совершить ознакомительную поездку на мыслелете в недалекое прошлое... и после щедрого банкета оставляют доверчивых полководцев где-нибудь в восемнадцатом веке... Все генералы живы-здоровы, но вернуться назад у них нет никакой возможности... Остроумно? Правда?..

Саша посмотрел на него, как на заряженную мину, у которой, вот-вот, и срабатывает взрывной механизм.

– Так вы и меня собираетесь прокатить в одну сторону? – спросил он у Перламутра Первого.

– Ну, что вы, в мыслях даже такого не было, – принялся тот оправдываться. – В нашем царстве с друзьями так не поступают... А вообще, сам метод хорош – мы получаем в итоге вместо битвы банкет, все остаются живы... Разве это не благородно – спасти человеческие души?

– Насчет спасения душ – спорить не стану, – сказал Саша, – это не по моей части... Тебе, новоявленный царь, тоже не советую превышать полномочий... Там есть хозяин...

Перламутр хотел что-то сказать, раскрыл рот, но так с открытым ртом и остался, потому, что неподалеку от свиты царя вспыхнули молнии, и в их пульсирующем голубом сиянии материализовалась группа людей, судя по множеству орденов и медалей, а также звезд и крестов, усыпанных алмазами, военных.

– Ой! – наконец-то вымолвил хоть что-то Король Западного Ринга.

Саша пригляделся, у большинства военных в руках было оружие.

– Кажется, я знаю, кто эти люди и что они готовы со всеми нами сделать... Вот только придут в себя... – сказал он. – Великий Диктатор Вечерних полей просчитался: он забыл, что мыслелет рано или поздно возвращает мыслепутешественников туда, откуда было начато путешествие. Ну, надо еще учитывать погрешность, а это плюс-минус одно-два столетия, так что встретиться мыслелетчикам не было почти никакой возможности... Но вот сошлось!

Голубые молнии полыхали почти непрерывно, и разгневанных военных становилось все больше. Некоторые из них приходили в себя, поглядывали в сторону царя и его свиты. А кое-кто стал образовывать шеренги, поправлять амуницию, как перед атакой.

– Что же делать, что? – вопрошал Перламутр Первый, хотя ответ ему давно был известен. Бежать! Бежать!.. Или сдаться на милость победителей? Милость эта не казалась гарантированной, так что оставалось одно – бег, бег! Бег!

– Слушай меня! – звонко закричал Саша. – Повторять не буду. Всем нашим и всем местным, перламутровским, объявляется «атанда!» То есть полундра! Короче, атас! Через три минуты – старт. Кто не успеет, тот остается тут на ПМЖ, заранее поздравляю с новосельем – и места тут красивые, и люди интересные...

Не успел он произнести это, как все вокруг сорвалось с места, как снег, подхваченный внезапной метелью: перемешались суровые полководцы с безусыми новобранцами, свитские чопорные дамы с девочками – подавальщицами пудры,

ученые и те, кто против своей фамилии в ведомости на зарплату ставит крестик. Все одновременно бежали, на бегу кричали, подбирали какие-то разбросанные вещи, роняя подобранные прежде. Казалось, что в этом бегущем хаосе никто и ничего не найдет, но через пару минут все заняли свои места в крашенных колесницах. Саша проверил: все его друзья на борту.

– Давай, стартуй, иначе нас живьем поджарят! – крикнул Саша Перламутру и колесницы стали уходить в небо...

Вслед им полетела туча стрел, дротиков, копий. Раздалось даже несколько ружейных выстрелов. Из этого Саша сделал вывод, что генералитет Руководства не намерен шутить и дальше с отбившейся от рук Перламутрией.

– Вовремя мы отчалили, успели, – радовался Саша. Перламутр ответил на это как философ:

– Потери, как ни странно об этом говорить, закаляют молодую империю... Сегодня отстали подавальщица пудры и ее сестра – будущая подавальщица пудры – жалко таких мастеров своего дела, но этот урок они никогда не забудут, и теперь они никогда и никуда не опоздают.

***Примечание автора.** Девушки остались живы, хотя натерпелись страха, оставшись наедине с разгневанными командирами. Военные отнеслись к подавальщицам пудры, как и положено офицерам, а потом на них женили поручика Ржевского и полковника Мздоимского – самые большие карточные долги оказались именно у них. С долгами в полку было очень строго.*

Мыслелет трянуло, как старый трактор на кочке и он оказался в уже знакомом, разрушающемся городе теперь это столица – Перламутрия. На улицах города отчетливо видны следы обитаемости планеты, даже трепыхается на ветру крошечная цветная афишка: «Поет Тамара Миансарова»

Откуда, Тамара? Как живется в прошлом? Скоро ли к нам?

На другой афише диспут: «Пятистопный ямб – соль земли нашей...». Модератор – профессор – Перламутрини.

Империю пела, спорила о ямбе, бесконечно переодевалась, едва успевала сменить ночной грим на утренний.

Редкие прохожие опасливо поглядывали вверх, откуда в любую минуту могла сорваться многотонная балка или целая лавина ржавого железа. Но в центре города уже появились вполне безопасные, расчищенные улицы, и Саша видел даже одинокого велосипедиста. «Если так дальше пойдет, – подумал Саша, – то Король Западного Ринга сможет стать еще величавей. Не в этом ли его главная цель. Главная цель империй?»

Для отдыха отважным путешественникам отвели целый дворец, вполне безопасный. В том смысле, что он не развалится через пятнадцать минут, после заселения в шикарные апартаменты.

Заре достался поистине царский номер, казалось, что он выстроен вокруг необъятной кровати; все в нем было призвано служить ночи. Благовония, диковинные фрукты, восточные сладости, вкрадчивая сладкая музыка, французские вина – всего этого было в избытке. А еще полуголые танцовщицы, старинные фолианты фривольного содержания, ковры, с вытканными на них сценами из Камасутры.

Зара огляделась и отправилась в ванную, скорее бассейн, о котором она мечтала по вечерам в степи. Она закрыла глаза и попыталась вспомнить все, что случилось с ней за последнее время... Хотя, что такое – последнее время? Вчерашний день, прошлая неделя, прошедший век? Или последнее – это то, после которого никакого времени больше не будет?

Гарольды Перламутра возгласили обед, в трапезной собрались приближенные молодого императора, его друзья – звездные скитальцы, музыканты и скоморохи. Во главу стола попали Саша, Зара, Зайнуш и Тимофей, который не хотел даже на время трапезы не расставаться с ятаганом. Но кое-как его уговорили, и начались обильные возлияния, речи, которые кружевной своей сутью спорили с поэмами, и тосты, которые сделали бы честь самому Великому Омару Хайяму. Даже Тимофей взял слово, и долго объяснял философию упреждающего удара копьём.

Саша почти непил. Перламутр в начале пира предал ему ключ зажигания мыслелета – под страшную клятву не задерживаться, и настроил аппарат так, чтобы сегодня еще до восхода солнца он вернулся на Перламутрию.

Зара наклонилась к Саше.

– Больше мы не увидим тебя? – спросила она негромко. – Тогда, в первый раз, ты пожалел нас, и остался... Сегодня тебе жалко самого себя... И ты уходишь...

– Я вернусь сюда еще до рассвета, – принялся оправдываться он. – Даже если бы я захотел остаться, то не смог бы – так запрограммирована машина...

– Я обязательно вернусь, – повторял он, как заведенный. Но она ему не верила, он сам себе не верил. Буянная улица была так далеко, что казалась нереальной, зыбкой – терто-перетертой, битой – перебитой, как хроника двухвековой давности.

– Я буду тебя ждать! – сказала она. – Я – твоя, имей это в виду!..

Она встала, потянула его за собой:

– Я должна показать тебе кое-что...

Саша обнял ее за плечи, поцеловал вполне по-братски, если бы не Зара, прильнувшая к нему всем своим телом.

– Пойдем скорее! – заторопила она его. Не хочу с этим жить... Заранее прости меня, прости...

И Зара залилась горячими слезами.

– Так, в чем дело? – недоумевал он.

Она затащила его в свой роскошный номер... Слезы заливали ее щеки....

Глава шестнадцатая: ПРИЗНАНИЕ ЗАРЫ

Она вытащила книгу пророчеств, раскрыла таинственный свой фолиант, закричала:

– Вот, посмотри!

Саша посмотрел: книга была чуть-чуть потрепана, но для своих лет, и полевых условий, выглядела, как новенькая.

– Ну что за трагедия произошла? – спросил Саша. Он терпеть не мог долгие проводы, слезы прощания, женские истерики.

– Посмотри внимательнее, – с трагическими интонациями в голосе произнесла она. – Никакая это не книга пророчеств, и язык, на котором она написана, известен каждому мальчишке. Это «переворотный» тарабарский язык в котором

просто напросто переставляются слоги, и тогда «дурак» – становится «ракду», «песня» – «напес», «космос» – «москос». Вот так, к примеру, звучит одна из популярнейших песен недавнего прошлого: «Чьно лабы, ыльб светрас и ватра севро, опр няме вая счастлив рили гово сев, и маса я рилаве рдцусе прекиво, ым с бойто вад регабе у нойод кире».

– Переведи! – попросил Саша, не до конца разобравшийся в ситуации.

– Да ты и сам легко можешь это сделать, – сказала переводчица, – переставляй в слове слоги с места на место, и получится: «Ночь была, был рассвет, и трава в росе, про меня «счастливая» говорили все. И сама я верила сердцу вопреки: мы с тобой два берега у одной реки...»

– Здорово! – восхитился Саша, – мы в детдоме шифровались по-другому, при помощи условных слов, кличек...

– Саша! – вернула его девушка на почву Перламутрии. – Я все эти годы обманывала тебя, Тимофея, себя обманывала...

– А как же пророчества? – спросил Саша. – Они же все, до единого, сбылись.

– Насчет этого ничего не знаю, – ответила Зара, – я их все придумала.

– Скажи, зачем это тебе было нужно? – недоумевал Саша. – Я понять не могу...

Зара обняла его, сказала едва слышно:

– Я хотела быть рядом с тобой, я полюбила тебя... Я счастлива, что шагала рядом с тобой...

– Но этого просто не может быть! – восклицал Саша, полученная информация не хотела укладываться у него в голове. Выходит, что огромные пространства они пересекли по маршруту, который родился в голове бывшей наложницы... Как-то не очень солидно для спасителя времен, космонавта мира, на которого возложена миссия оживления времени. Нет, совсем не солидно!..

А чем объяснить, что все предсказания наложницы сбылись?

Нет, лучше не объяснять ничего. Ведь Саша сам триста раз повторял, что есть особая прелесть в необъясненном мире, а, впрочем, объясненный еще никому не попадался. Поэтому пусть останется неразгаданным ночное бездонное небо, прохладная июньская речка, тайна любимой женщины – все секреты непостижимого мира. Они есть, они на каждом шагу – и этого знать нам вполне достаточно...

– Прости! – повторяла Зара.

– А знаешь, мы на верном пути, – сказал он. Великий хаос мира устал сам от себя. Не унывай, завтра твоя книга укажет нам новую дорогу... По большому счету нам все равно, в какую сторону идти, Вселенная бесконечна, такой, во всяком случае, такой кажутся

...Близость женщины, ее мерцающие глаза, легкое дыхание все-таки растопили лед в груди Саши, он утонул в ее черных, как ночь, косах; она любила неистово, как напоследок, и перед самым рассветом он ошибся и назвал ее Дашей.

– Тебе пора, милый, – не выказала она обиды. – Тебя ждут... Возвращайся!..

Он неловко поцеловал ее в щеку, натянул на глаза кепку, чтобы хоть как-то скрыть виноватый блеск глаз, вставил ключ зажигания в замок, и мыслелет, озарив окрестности сиреневой вспышкой, растворился в воздухе Перламутрии.

Глава семнадцатая: РАСПАД

Он вернулся до рассвета, как обещал. Зара встретила его жаркими объятьями, возблагодарила богов всех измерений пространства; она верила, что у всего на свете есть могущественные хранители, и такое же количество не менее могущественных погубителей – и всего-то нужно не ссориться с одними, почитать других.

Мыслелет, обманная машина, на этот раз сработал, как часы. Лучше часов которые у одних людей отсчитывали время назад, у других стояли вовсе, у третьих торопились в будущее. Как будто в будущем нас кто-то ждет... А там пустыня одиночества, ранние могилы друзей, забвение...

Нет, нужно все-таки запустить время.

Ехарный Бабай вместе со своей челядью тоже пришли к выводу, что хаоса в мире накопилось немало, – и это они ставили себе в заслугу. Ночь стала длиннее, день – короче, истончились духовные ценности, еще больше выросла цена на золото и упала – на жирное, сладкое, мучное. Перестали брать в долг, опасаясь долговой ямы. Истожились запасы либидо и женщины оцепенели от дурных предчувствий. Телеграфные агентства стали передавать сообщения о брачных шайках, похищающих женихов; молодые люди старались без нужды на улицу не выходить. Пришли полчища крыс...

– Успехи велики, – сказал последний титан, но почивать на лаврах мы не станем. По сути дела мы не продвинулись в решении главной задачи. Мы кое-как перекрыли временные потоки, но управлять ими не умеем. В любую минуту мы ждем, что ненадежная плотина, воздвигнутая нами на пути времен, рухнет, и время опять понесется вскачь. Надо удвоить усилия, разыскивая пайцзу Темучина, мы почти уверены, что это и есть – пускач времен...

Враг человеческий с маленькой буквы доложил Титану в письменной форме: «Подающий надежды молодой куэнзим (псевдоним «Борис Иванович», сто тридцать шесть лет) внедрен в самую сердцевину интересующей нас группы, успешно ведет подрывную работу. Пайцза, скорее всего, находится в группе. Разработаны варианты завладения артефактом, как силового характера, так и при помощи подкупа. Можно, например, испелелить всю группу, послав боевые дроны, а можно напечатать фальшивых долларов – никакая живая душа не устоит перед долларами. В конце концов, есть водка, безотказный эликсир темных сил, светлые силы тоже мимо рта не проносят.

– Ускорьте процесс! – приказал титан тоном, исключая сомнения и колебания. И добавил ехидно:

– Мне докладывают мои надежные люди (значит, читай, что они в категорию надежных не попадают), что этот Борис Иванович втюрился в земную женщину. Втюрился, как сейчас говорят, не по-детски. С одной стороны это хорошо – разведчик пробрался под одеяло врага, а земные женщины болтливы, особенно в постели. С другой стороны – ничего хорошего в этом нет: человеку – человеку, куэнзиму – куэнзимово. В конце концов, Темная сторона никогда не скрывала своей главной цели – уничтожение (оптимизация, вывод) всех гуманоидов, превращение их в сиреневые плитки с выдающимися производственными характеристиками.

Конечно, постепенно воинственная риторика пришельцев смягчилась. Земля и представители Темной стороны даже обменялись посольствами, но легально куэнзимы на Земле не жили, скрывались под чужой личиной, исподволь шпио-

нили, проводили террористические атаки; весной нынешнего года им удалось проколоть восемнадцать миллионов кондомов, что создало в регионе сильный продовольственный кризис.

Земное правительство не раз и не два предупреждало гостей от недружеской деятельности; нашей разведке было многое известно, но земляне пока старались избегать конфликтов. А куэнзимы, не сумев с налета захватить нашу планету, распоясывались все сильнее. Точно было известно, что в районе стальных планет уже не первый год накапливается космическая армада Темных миров, и на ее вооружении термоядерное оружие. Так что, вторжение может начаться в любую минуту. Положение было серьезным. Конечно, земляне не сидели сложа руки, дожидаясь нападения; готовилось новое оружие, в том числе эксклюзивные артиллерийские системы, ведущие огонь большими массами халвы; после такой артподготовки поле боя становится на несколько лет непроходимым. Готовились боевые машины времени, которые могли бы мгновенно перебрасывать отряды воинственных птеродактилей на подмогу нашим войскам, но пока это в высшей степени эффективное оружие не могло быть задействовано, ведь время остановлено.

Саша вернулся, сдержал слово, только все скитальцы отметили, что с этого самого дня он стал темнее ночи. Все заметили в нем эту перемену, но только Перламутр (с некоторых пор он повелел называть себя Перламутрием) решился спросить, что случилось с Сашей, но тут же разговор свернул в сторону технических подробностей... Императору было интересно, как вел себя аппарат во время полета, перед приземлением, не барахлили ли тормоза? Точно ли был составлен маршрут броска, не промахнулся ли мыслелет мимо Буянной?

– Никогда не видел, даже на фотографиях, этой улицы с говорящим названием, – говорил Перламутр, – но из-за тебя, Саша, она стала мне как будто родная... Повидался с Дашей?..

Саша промолчал. Целыми днями он не выходил из своего номера, натащил каких-то железяк, что-то пилил, строгал, полировал; в конце концов у него получился электропатефон. С утра до вечера он теперь заводил одну-единственную пластинку, которая у него была – «Пиччирильо». Зара знала, что у Саши была и вторая пластинка – грустный вальс «На сопках Маньчжурии», но он не заводил ее, чтобы Зара не пригласила его танцевать.

Перламутр изо всех сил старался отвлечь Сашу от грустных раздумий; он раздобыл где-то для него разрешенный только в Темных мирах конструктор «Собери сам галактику». Саша осилил всего несколько обитаемых планет, парочку газовых туманностей, черную дыру и пояс астероидов, но и космический конструктор не отвлек космонавта от печальных мыслей.

Тогда император пригласил Сашу с друзьями на «Самую веселую планету». Это был такой обманный уголок вселенной, где было запрещено говорить правду – ни под какими соусами. День и ночь на планете гремели карнавалы, отмечались тезоименитства, люди праздновали без всяких дат, юбилеев, – просто так. Хотели гулять, и гуляли, напивались без причины, а наутро ввали, придумывали поводы – тоже обманные. Никто на веселой планете ничего не знал наверное, здесь даже брусчатка на дороге именовалась «врусчаткой».

Откуда взялся-получился этот город дурацких розыгрышей и бесконечных карнавалов – никто не знал, да и знать, в общем, не хотел. С утра и до утра здесь гремела музыка, с утра одна была забота – облачиться в новую причудливую

маску, чтобы никто не мог догадаться, кто ты? Все ежедневно меняют маски и с утра никто никого не узнает. И это не было проблемой, горожане специально добивались, чтобы их никто не узнавал. И они никого не знали.

– Тоже мне чудеса заморские! – сказал Тимофей. – Да у нас в Бузулуке похлеще бывало: после праздников или свадеб народ неделями никого не узнавал, и морды были такие, что и масок не надо.

Путешественники ходили по диковинному городу, где даже брусчатка улиц напрочь стерта башмаками участников беспрерывных карнавалов.

Саше на планете не понравилось, даже пиво было с приколом: стоило только открыть банку, как вас с ног до головы обливали этим чудесным напитком и вдобавок обмазывали пометом диких голубей.

Люди просто с ног валились от смеха, участвуя в таких интеллектуальных приколах, но Сашу даже смех не брал: он по-прежнему хмурился, не улыбнулся даже, тогда, когда Тимофей с Зайнушем приняли участие в шуточном сражении, стоя по пояс в жидкой грязи, а это, между прочим, была одна из самых популярных шуток на планете.

Как-то Саша разговорился с Зайнушем.

– По всему выходит, что ты в наши времена попадешь раньше, чем я, – сказал космонавт. – Зара вот утверждает, что и книга пророчеств об этом говорит, а книга эта ни разу нас не подводила... Поэтому хочу попросить тебя сохранить для Даши пайцзу и мое к ней письмо... Еще мне удалось в основание зиккурата заложить свою табличку, где объясняю Даше, как найти тебя... Ну, а пайцза Темучина каким-то образом связана с остановленным временем, я думаю, это часть артефакта, необходимого для запуска времени...

– Пять килограммов чистого золота? – улыбнулся Зайнуш...

– Да, пайцза из золота, – сказал Саша, – но она драгоценней золота...

– Что там написано? Не секрет?

– Думаю, что она могла бы поведать не одну жгучую тайну, – сказал Саша, – но в данном случае – это просто весточка домой. А написано там... Вот как раз Зара пришла, попросим ее перевести...

Зара обожгла его взглядом: не издевается ли он? После того, как она призналась, что выдумывала пророчества сама, а книга пророчеств тут не причем, она все время была как бы настороже. Но, видимо, Саша не собирался прекращать эту игру в волшебную книгу...

Саша развязал шнур, на котором была привязана пайцза, протянул золотую продолговатую пластинку Заре.

Та бережно взяла пайцзу, прочитала: «Силою вечного Тенгри. Указ императора. Тот, кто не будет с благоговением относиться, да будет виновен».

– Мы с благоговением относимся? – подобие улыбки тронуло уголки губ Саши.

– Еще с каким благоговением! – сказал Зайнуш.

– Значит, мы ни в чем не виноваты, – заключила Зара.

...Хорошо было гостить у Перламутра, тем более что в течение пяти дней продолжался государственный праздник, объявленный по поводу пополнения народонаселения планеты: в одной из пустынь было обнаружено целое стойбище чудом спасшихся после электромагнитных бомбардировок людей – целых тридцать четыре человека. После того, как вновь найденные пройдут двухлетние

курсы адаптации (вспомнят человеческую речь, смогут преодолеть отвращение к зубной щетке, пройдут психологические тесты на каннибализм), они станут полноправными членами социума.

Перламутр чуть не со слезами на глазах просил путешественников остаться еще хотя бы, на полгодика, но Саша был непреклонен: завтра уходим, готовьте Дождя, Орлика, проверьте, достаточно ли у нас кизилового сока, есть ли в хурджумах лепешки.

Уходим, уходим...

– Александр! – торжественно обратился к нему Тимофей. – Я хочу остаться. Ты не обессудь, тут сейчас нужны люди с серьезным воинским опытом. Сам Император предложил мне командовать пехотной бригадой в чине генерала... А в перспективе – командование всей авиацией...

– Помилуй, ты же никогда самолета не видел? – изумился Саша.

Тимофей не смутился:

– Мантилет тоже казался чудом, а освоили быстро, главное – не техника, а боевая злость. А злости этой у нас хоть отбавляй.

Саша привел убийственный, по его мнению, аргумент:

– Знаешь ли ты, что население Перламутрии – всего-навсего кучка спасающихся от Междупланетного Руководства людей? Какие пехотные бригады? Какая авиация?

– Эх, Александр, солдаты – дело наживное, я слышал, что у нас на Перламутрии (вот оно как, – у них на Перламутрии) ожидается демаг... демагогический... нет – демографический взрыв. Это когда без видимых причин бабы начинают рожать, как заведенные, и переполняются тогда призывные пункты, появляется огромное количество сарбазов; тут не захочешь, да начнешь войну – будь она проклята!

– Ну что же, силой удерживать мы не станем, – сказал Саша. – С тобою мы были, как за каменной стеной... Нам будет не хватать тебя!

– И вы меня не забывайте, – сказал Тимофей. – Все-таки столько лет были вместе... Если что, шлите весточку – постараемся прислать подмогу...

Он понизил голос, чтобы его, кроме Саши, никто не слышал:

– И потом я не верю во все эти времена – остановленные, запущенные, как из пращи, ползущие кое-как. Времени на свете нет, а есть старость и смерть, и от них никакая машина времени не увезет... И потом я прочитал одну вашу книжку (Саша, от нечего делать и, скучая по дому, все-таки сочинил лирический роман про космическую любовь), так я скажу вам, что никакая это ни лирика, и вообще, художественного в ней ни на грош... Скорее это руководство по пешеходному спорту: герои книги нигде не работают, не создают материальные ценности, а только болтаются по городам и странам, настоящие разносчики заразы. Рыцари вон сколько раз ко Гробу Господню ходили, а что из этого вышло? Европа дичает, сиятельные сеньоры не умеют ни читать, ни писать, обедают за одним столом с собаками. Чума свирепствует в городах и селах, с улиц и из домов не успевают убирать трупы... Чего ходить без толку? Чего искать потерянное не нами? Человек предназначен для оседлой жизни, не топтать землю положено ему, а давать ей жизнь... Не уленшпигели – суть нашего существования, не они болезненные... У них в груди пепел стучит, у нас же – живая почва...

Саша смотрел на него с величайшим изумлением: откуда, что взялось у средневекового станичника?

Саша обнял Тимофея:

– Дорогой ты мой критик! Философ, мудрец с ятаганом, – с тяжелым сердцем расстанусь с тобой... И одно только утешает, что дорога, так надоевшая тебе, когда-нибудь подарит нам встречу... Доведется же раньше добраться до родных мест – поклонись Чагану, слышал я, что сильно обмелел он...

– Год на год не приходится, – сказал Тимофей, помнящий страшное наводнение, смывшее с берегов Чагана, Деркула, Ревунка и других степных речек целые поселки, не оставившее не подтопленным ни одного казачьего форпоста.

– Ты что же, не повидался со своей суженой? – спросил Тимофей, и если раньше можно было просто отмолчаться или притвориться, что не расслышал, что туговат на ухо после Икана, то теперь вопрос задан командиром пехотных бригад дружественной цивилизации. Саша на минуту задумался и ответил:

– С Дашей мне не удалось повидаться, не застал ее дома...

– Может, на базар ушла, или в лавку? – предположил корпусной генерал. – Нельзя было лишние полчаса подождать?

– Какие-такие полчаса! – закричал Саша. Но сдержался, не стал рассказывать что, истратив все ресурсы последнего в мире исправного мыслелета, он подждал Дашу больше года, а точнее четыреста одиннадцать дней и четыреста двенадцать ночей.

Поначалу Саша даже не встревожился.

Не закрыта на ключ входная дверь? Так это только потому, что Даша ушла к соседке за лаврушкой, и через две минуты вернется. Эпоха бронированных дверей, эра не открываемых без специального образования замков, еще, кажется, не наступили.

Зара, листавшая «Книгу пророчеств», затаила дыханье.

А Саша как будто опять оказался на улице Буянной, на берегу речки Чаган.

Мыслелет доставил его почти к самому крыльцу дома с подклетом. Саша огляделся: обманный аппарат Перламутра, если и промахнулся, то самую малость. На дворе явно шумели новые века, по грязному, жирному асфальту катились не очень чистые автомобили, на крышах домов кустились антенны, из редких скворечников доносился нетерпеливый крик птенцов.

«Хорошо, – подумал Саша, – чем прозорливее поколение, тем нетерпеливее жажда жить, и вряд ли победят нас космические враги... Саша никогда не понимал врагов: неужели они на самом деле стремятся замкнуть всех, кто не согласен с ними, на необитаемых островах, пустынных планетах, – как учат нас вечерние газеты, и немного – утренние. И невольно думаешь, что вражеский народ – прирожденные человеконенавистники, кровососы, и всех их нужно под корень. А между прочем, из них вышел гениальный микробиолог Леопольд Леопольдович Леопольд, который сумел добиться почти абсолютной токсичности растворов, – сбылась мечта прогрессивных отравителей – теперь ничего не стоит отравить население средней планеты всего одной каплей яда. Из врагов вышел и великий гуманист нашего времени Лев Лупыч Милов, первый сформулировавший «Десять великих принципов мирного существования в бесконечном космосе». Жаль, что принципы недавно по просьбе родителей убрали из школьной программы для того чтобы углубить изучение проблем полового воспитания в начальных классах. А сколько вышло из рядов врагов поэтов, композиторов, великих скрипачей, – их тоже под корень? Где тут проходит грань, и есть ли она вообще? А, может, все

дело не расовых теориях, не в национальной самоидентификации, а просто не хватает дешевых крепленых вин – портвейнов, хересов, мадер, а к ним сердитых рубленых закусок. Дайте волю выпивки, чтоб она не кончалась, и уже через неделю войны прекратятся, как и не было их. Побузят, конечно, чуток, как без этого, – и разойдутся. Неизвестно только что делать с куэнзимами, ну совершенно непьющими?

Вот тоже уроды!!!

У врагов и с философией все было в полном порядке. Особенно нравился им первый космический постулат «Вселенная существует». Отсюда вытекало многое, в том числе другая яркая аксиома: «Если вселенная существует, то наше учение истинно, уже хотя бы потому, что оно очень верно». Конечно, постулаты были не первой свежести, но, как говорится, выстраданные, обкатанные.

Но почему же тогда враги так не любят нас, ежели в нас так много похожего? Может, именно поэтому?

Вражеская наука, как и наша, пытается объяснить мир, Ученые, может быть, в двух шагах от абсолютной истины, если она есть, если она нужна кому-нибудь, но вся их вселенная какая-то случайная – могла образоваться, а могла и погодить... Все как бы отдано на волю слепому случаю. А не проще предположить, что законы мироздания не были бы так совершенны, если бы ими управлял этот самый случай? Если мы верим в Господа, то наука должна не объяснять мир, а только описывать его. Хотя и это не предерзостно ли?

Наши передовые ученые тоже не хотели прослыть безбожными, поэтому их теории не сильно отличались от вражеских. Люди на кухнях спрашивали друг у друга, дескать, чего нам враждовать, чего делить, если и теория относительности у нас такая же, как у них, может даже чуток непонятнее.

Вот такие мысли почему-то крутились в голове у знаменитого космонавта. Должно быть, общечеловеческие мысли... Однако за такие думушки можно было и загреть...

Поначалу Саша даже не встревожился, увидев свой дом со следами запустения.

Не закрыта входная дверь, так это означает, что Даша выбежала на минутку к соседке за лаврушкой. Кажется, эра чугунных дверей, эпоха замков с электронными секретками еще не настали. Калитка тоже осталась непритворенной, так, наверное, Пес побежал за хозяйкой, хотя прежде он никогда не оставлял дом больше, чем на пару минут.

Саша обошел весь дом, явно что-то произошло с его ненаглядной Дашей. Где она?

***Примечание автора.** Даша в это время звонко хохотала над очередной веселой историей, которыми засыпал пассажиров автомобиля Борис Иванович, душа-человек. Табов хмурился, но и он не мог удержаться – время от времени всхлывал. Вообще, надо сказать, что Борис Иванович – мировой мужик, хотя Табов его недолюбливал, хотя многие его недолюбливали. Было в нем что-то пакостное, что – рассмотреть невозможно. Но если начистоту, то в ком нет пакостного?*

Путешественники на авто как будто забыли, куда и зачем они едут, да и остановленное время как будто глушило память. Страшная штука – безвременье.

Прочитав письма, принесенные голубиной почтой дедушки Зайнуша, путешественники решили ожидать его в доме у давно несуществующего моста

Алика иногда говорила:

– К дедушке Зайнушу – направо, к Баскачкину мосту.

Но и ее захватывала атмосфера веселья, молодости, беззаботности, – и машина шла неизвестно куда, как бы сама и как Паутина забвения делала свое черное дело...

Сашу поразило обилие паутины. Притом, бросалось в глаза, что пауков нет, а паутины – тяжелой, серой, вибрирующей, как антенны, – было полным полно, Саша подумал, что паутина пожрала самих пауков.

– В такую паутину попадешь – вовек она не отпустит, произнес Саша, и не зная о том, попал в самую точку... Паутину эту вырабатывают злобные пауки Чио-Чоо с планеты Чоо-Чио, и она обладает страшными свойствами.

Не осталось никаких сомнений: Даша в опасности. Нужно что-то предпринимать, но что? Куда-то отправиться, но куда?

Он отправился к президенту районной ассоциации космоплавания. Тот радушно встретил первого космонавта района, достал из старенького сейфа, в котором хранил все самое дорогое, початую бутылку «Особой московской», банку кизилового сока и баночку селедки иваси (Саша вспомнил гигантскую космическую базу, забитую кизиловой дрянью)... «Теперь из космоса к нам весь отстой попадает, – как будто услышал президент мысли Саши, – раньше каждый запуск праздником был, а сейчас билеты на Луну продаются в нагрузку к билетам на концерты Ваенги. Космонавты нашего призыва гордились рукопожатиями Гагарина, Титова, Леонова... Сегодня молодые космоплататели не спешат сказать, чем они занимаются, после открытий и публикаций Бруевича, доказавшего, что в космос летали еще далекие наши предки, за космонавтикой укрепилось двусмысленное «первая древнейшая профессия»...

– На самом деле падает интерес к космонавтике: затратно, результат не очевиден, да и результаты сплошь и рядом приходится ждать долгими десятилетиями, а подчас и столетиями. Взять хотя бы случай с технологией квадратных колес. Земной звездолет вез ее почти триста лет с планеты Шиншилла в спиральной галактике номер пятьсот один. Когда звездолет, наконец, добрался до Земли, то выяснилось, что на квадратных колесах уже никто не ездит, они безнадежно устарели. Обошлось это в миллиард золотых червонцев.

– Много было идиотизма, – сказал президент. – Я слышал, что от тебя жена сбежала, и снова выбрала космонавта?

– Откуда такая брехня? – Саша даже поперхнулся водкой. – Она к тетке в Конотоп на пару дней уехала, должна скоро вернуться...

– Вот оно что, – сказал президент, – я – то ее как раз пару дней назад видел – в Дарьинске. Такие с ней две тетки были – красавцы с усами. Но явно не из Конотопа, потому, что одного тетя я чуток знаю, а ты, кажись, так дружил с ним – это Табов!

– Не может быть! Брехня!

– А я думал, что тебе помощь нужна!

– Да, нужна, конечно! – признался Саша.

– Можешь во всем мною располагать, – сказал президент. – Определенно могу сказать, потому, что сам видел – вот этими глазами, – что из города она выехала

в компании с двумя здоровенными мужиками... Удалось выяснить, что на своей шикарной машине они выехали на Старую Уральскую дорогу... Дальше их след теряется из виду... Может у безопасности спросить?

Саша замахал руками.

Президент произнес:

– Одно могу сказать, что жена твоя жива и здорова, и даже весела...

– Это немного утешает...

Саша с президентом космоплавания налили почти по полному стакану, а чего стесняться – на своей земле стоят. Выпили одним дыхом, сразу в груди загорелся водочный пожар, постепенно переходящий в пожар душевный. Чтоб не надорвать сердце, «распечатали» вторую бутылку – что стоит нашему человеку – с радости ли, с беды ли, или просто без всякого повода махнуть литровку, – и все время помнить: ее, надежду народную, гонят давно уже не из хлебушка, а из чистых сосновых опилок, даже не березовых.

Наш человек и когда ему тошно – улыбается, и когда все хохочут, он бурчит: «Чего, балбесы, скалитесь без причины?» Не потому, что противоречив, а потому, что умен, знает – шоколад горчит, а водка сладима...

– Пойдешь со мной Дашку выручать? – спросил Саша.

– Честно сказать, по-пацановски? – произнес президент космоплавания. – Или, как всегда, туфты накидать? И про «источники наших побед», и про «нерушимый блок коммунистов и беспартийных», и про «гений нашего народа»...

– Пстой, пстой, туфты как раз не надо, – перебил его Саша. – Руби с плеча, может, устою на ногах?..

– Дашка твоя, баба, конечно, бесценная, – пустился в плавание президент. – И красоты полная телега, и ума – палаты... И чистюля, и копеечку экономить умеет... А уж приветлива, с людьми умеет говорить – не как жена космонавта, а как земная женщина... Но ведь я своими глазами видел, как она уезжала, да вся Буянная видела! Машину шофер подал прямо к крыльцу, а машина лакированная, здесь сроду таких не видели... Даже когда ты свой первый полет совершил – помнишь? – мы и тогда не заказывали такую, а взяли в облпотребсоюзе «Москвича» – помнишь? – получилось прилично, и недорого. Помню, как ты лично Никите рапортовал на фоне этого «Москвича». А здесь – я глянул – машина иноземная – Роллс Ройс... Шпионы не на таких ли разъезжают, все секреты наши вынюхивают, да продают их за бесценок космическим незванным пришельцам?

Так вот, плохого сказать не могу, но червь сомнения всю душу выгрыз... Сомнение, как коварный кариес, постепенно разрушает доброе имя. Так вот, не пойду с тобой – последнее дело, когда муж жену ищет, которая никуда не пропадала.

Президент продолжил:

– За тебя, старик, хоть на амбразуру, а искать бабу, которая на моих глазах отчаянно флиртовала с одним из мужиков из автомобиля, и, как минимум, в помощи не нуждалась – это не по мне... Прости, но, может быть, преждевременно ты затеял розыск, глядишь, вечером она и придет... или ее подвезут на шикарной машине?.. Еще раз, прости, но мужчины не хотят участвовать в поисках женщин. Каждый когда-то был брошен, предан, вынужден уступить более удачливому сопернику, и теперь они вряд ли мечтают о том, чтобы хоть кто-то из них прорвался к счастью; клубы брошенных мужей существуют, и становится их все больше... И прославленная мужская солидарность здесь от-

лита в бронзу: «Если не мне, то и не тебе подавно!» Здесь рискуешь попасть в анекдот, и над многими смеются всю жизнь... Мне как раз сегодня рассказали один: «Короче, мужик попал в больницу с переломом ноги, вывихом ключицы, выбитой челюстью.

Врач спрашивает:

— В аварию попали?

— Нет... чихнул в шкафу...»

Президент раскатисто расхохотался. Отсмеявшись, добавил:

— Так что, уволь меня – посмешищем всех Куреней я не хочу стать...

Саша нахмурился, сказал весомо:

— Значит, говоришь, сомнение тебя гложет? Посмешищем опасаться стать?..

А я своей жене верю. Иначе не могу... Моя жена – святая!!! Понял?

И он с такой яростью посмотрел на президента, что тот поспешил сказать:

— Конечно, конечно, Дарья Григорьевна не позволит себе дурного, но принципы все-таки остались...

— Знаю я ваши принципы: «Да» и «нет» – не говорить, губы бантиком не делать, белый с черным не носить».

Саша ушел, водка осталась недопитой. Ох, не к добру.

Саша заглянул и к старинному другу, с которым время от времени они на велосипедах ездили на рыбалку на Садовское озеро, когда в нем рыбы было столько, сколько сейчас ила, грязи и топляка. Друга звали Сергей, и тот сказал:

— А менты у нас для чего? В телевизоре рассказывать про свой ментовской беспредел, который они в запальчивости называют социалистическим правопорядком...

— Постой, постой, где ты нашел социализм, о нем забыли, как о кошмарном сне...

— Эх, вы, космонавты-летчики-танкисты, куда направлены ваши бинокли? – сказал Сергей, бывший рыбак бывшего Садовского озера. – Может, вам тоже под ноги смотреть надо?

— Кончай митинг! – остановил правдорубца Саша. – Скажи лучше, сможешь мне?

— Нет, извини, братан, вот если бы ее похитили или ограбили...

Попытался Саша найти помощь в благотворительных организациях, но те как раз были заняты. Делили деньги. По справедливости.

— Даша такая-то, – разулыбались благотворители, – конечно, знаем и помним такую – первую жену нашего героического космонавта!..

— Это я! – скромно представился Саша. – А жена у меня одна, и я ее люблю

— Что вы говорите! – удивленно взмахнули руками благотворители. – Как приятно, а мы слышали, что вы на стальных планетах ведете борьбу с засланцами Темных миров... Говорили также – по радио – что вы выключили время, а включить не получается... А вы, оказывается здесь, жену найти не можете... К сожалению, уехавших жен мы не ищем, нет такого количества сотрудников. Но продуктовый пакет вы сможете получить – приходите завтра после обеда; можете на полчаса пораньше прийти, пока еще не выросла очередь. Не забудьте справку с места жительства... Набор в этот раз можно назвать «богатым», он подбирался в основном для творческой элиты – вышедших в тираж... на пенсию... народных артистов, академиков, лауреатов госпремий по литературе... Лауреаты

Нобелевской премии тоже могли рассчитывать на этот продуктовый набор, но в нашем городе пока таких нет... Скажу вам, что на это раз кроме перловой крупы и подсолнечного масла, а также обычных рыбных консервов, в набор входят две банки кизилового сока, произведенного по космической технологии...

Саша навевался и на космодром, может, там хоть что-нибудь знают. Оказалось, что многие прекрасно помнили старт ракеты, на которой впервые отправился в космос Саша. Старожил космодрома, дворник дядя Леша, увидев Сашу страшно захохотал:

– Ну, ты дал тогда жару, газеты всего мира о твоём старте писали взахлеб...

– Целых два дня, – сказал Саша, – а потом вернулись к щеточкам для ресниц, животрепещущим проблемам похудения, к самым безотказным методам достижения богатств... Да, и тогда, не случись этого казуса на старте, наверное, никто бы не обратил внимания на очередной запуск. Пусть он – первый межзвездный, первый, обогнавший скорость света – все это дорогостоящие забавы ученых чудаков; не за космос мы болеем, за цены на газ, горячую воду лишь... А тогда на одиннадцатой новой площадке я, честно говоря, основательно сдрейфил. Прошла команда «Ключ на старт», и в эту самую секунду ветром сорвало с места огромный рекламный дирижабль, а он размерами только немного уступал межзвездной ракете и рекламировал «самую нежную туалетную бумагу в мире». Степной космодромный ветер прибил дирижабль к стартующей ракете, и тысячи тонн ревущего металла потащили за собой в космос невесомую конструкцию, и уже через десять минут на околоземной орбите, впритык к моему кораблю (кому, кроме любителей позубоскалить, стал он интересен?), возник новый спутник Земли, призывающий пользоваться самыми нежными подтирками. Журналисты оторвались по полной. «Состав с пипифаксом покоряет вселенную», «Запаслись на всю дорогу», «Подарок братьям по разуму», «Нежность галактического масштаба» – и еще тысячи подобных заголовков, набранных аршинными буквами, вывалились на первые полосы газет, да и не только первые. За всей этой мишурой никто не обратил внимания, что наша экспедиция к звездам оказалась более, чем успешной. Мы первыми из землян установили контакт с неземной цивилизацией, доказали, что мы во вселенной не одиноки.

– Да, славные времена были, – сказал дядя Леша. – А про красаву твою я ничего не слышал, врать не стану. Только говорили, будто она связалась с дурной компанией, будто даже завела дружбу с врагами человечества – куэнзимами, помнишь, прежде их называли на китайский манер – ку-эн-зимами. Брехали также, что их главный – сидит на дне старого, заброшенного колодца, и оттуда руководит наступлением на все земное, на все живое на свете. Особенно ненавидят они любовь. Потому, что они бесполое, а размножаются делением.

– Да, брехня это, дядя Леша, – сказал Саша. – Куэнзима доводилось видеть, мерзкое, доложу вам создание – одноглазое чудище, но умеет принимать человеческий облик. Приходилось им испробовать и силу нашего оружия; бойцы они отважные, быстрые, меткие, но и наши не лыком шиты. А насчет того, что их агаман сидит в заброшенном колодце – это наверняка придумка. Ну, и до женщин наших они охочи...

– Как ты думаешь, Саша, удастся им, в конце концов, поработить Землю? – дядя Леша пригорюнился, поник.

– Это мы еще посмотрим! – браво сказал знаменитый космонавт. Но не очень браво. Силища у куэнзимов огромная, Саша знал это.

– Я тут в одном журнальчике рассказик прочитал, написанный, как бы от имени куэнзима, где он описывает процедуру так называемого «вывода», так мороз по коже продирает, – сказал дядя Леша. – Куда мы идем, если галактические монстры хозяйничают у нас под боком?

– Да, – сказал Саша, – это циничный вызов всем нам, они словно испытывают нашу выдержку на прочность... Теперь вот время остановили... Найдется на них управа, будет им укорот!

И вдруг он ясно понял, куда движется встреченное в степи голографическое воинство – Мировая рать. Конечно же, она идет на куэнзимов, иначе прервется Мировая справедливость, а этого допустить нельзя...

Саша знал, как мало думают солдаты всего мира о справедливости, знал, что справедливость не добывается при помощи гаубиц, мортир и лазерных пушек, но ему так хотелось, чтобы справедливость была хотя бы теоретически возможна.

Примечание автора. Ровно через год состоялась грандиозная битва – при Маренго-2-, в которой Мировая рать наголову разбила войско Темных сил, с обеих сторон было много убитых, раненых. Куэнзимов взято в плен более двухсот тысяч, всем им во имя Мировой справедливости сохранена жизнь, даже Ехарному Бабаю, уличенному в изощренных зверствах – и по отношению к своим, и по отношению к противнику. Он, например, принуждал куэнзимов-подчиненных ухаживать за земными женщинами, к которым те испытывали страшное отвращение. Доходило до того, что куэнзимы пытались покончить с собой от ненависти и отвращения к прекрасному полу, и многие суициды удались, хотя во встроенных функциях куэнзимов была реализована установка на бессмертие (при условии однополости; те же куэнзимы, которые отвергали саму идею размножения почкованием и после несложной операции становились двупольными, жили недолго и погибали в ужасных муках. Но кое-кто поговаривал, что куэнзимы убивали себя от неразделенной любви – до такой степени несчастные однополюе существа влюблялись в женщин. Вот на какие мучения обрекал Последний титан даже своих братьев по оружию. А уж что говорить о противниках!..

После пленения Ехарный Бабай покаялся во многих грехах, в том числе в распространении подрывной литературы, и вместе с двумястами тысячами куэнзимов, попавшими в плен, был навечно заточен в страшных марсианских концентрационных лагерях. Впрочем, знающие люди уверяют, что Ехарный Бабай давно на свободе, сидит себе в старом заброшенном колодце, вредит добрым людям с учетверенной силой.

Вспомнила Сашу и тетя Нюра, подавальщица из офицерской столовой четырнадцатой стартовой площадки космодрома.

– Как, милоч, тебя было не запомнить, – сказала она, – ты был такой кучерявенький, такой ладненький, девки всей площадки сохли по тебе, а ты эту тонконогую выбрал – Дашку, и чего ты в ней нашел – извини, но как говорится, ни кожи, ни рожи, а теперь, говорят, спуталась с чудищем-мудищем из космоса...

– Да, что вы такое говорите! – возмутился космонавт. – Даша – моя жена и она меня любит!

– Да, кто говорит, что не любит, – согласилась подавальщица, – только где она?

– Она скоро вернется, – без особой надежды в голосе сказал Саша.

Космодромное начальство Сашу припомнило с трудом, да начальство понять можно – все ребята молодые, пришли в космонавтику из бизнеса, у них в голове сидят менеджмент, конкуренция, самоокупаемость. Самый главный начальник полистал томик истории космодрома, выбежал из-за стола навстречу Саше.

– Уважаемый, Иван Григорьевич, мы рады приветствовать героя космоса, – начал он.

– Вообще-то, я – Александр, – перебил его Саша. Начальник не смутился, развел руки, как бы намереваясь заключить Сашу в объятия, но не заключил, продолжил начатую речь:

– Вы уж простите нас, земных людей, осознавших горькую истину, что неохватный космос – это неохватный тупик. Человек не создан для полета. Ледяная бесконечность чужда нам. Вот поэтому в третьем сборочном цеху космодрома мы наладили производство шоколадных батончиков – по программе конверсии, есть у нас задумки и четвертый сборочный переоборудовать в гостиницу для туристов, пусть приезжают посмотреть на исполинские ракеты, которые время от времени мы будем запускать специально для них, конечно, это будут только имитации стартов (преодолев дюжину километров, ракета будет приземляться в заданном месте).

– Говорите, что жену не можете найти? Так в этом мы вряд ли сумеем вам помочь. А так заходите, спрашивайте, если что нужно будет. Может, дров вам пару кубометров выписать? Нынче заготавливали дрова на Алтае, порох – не дрова. Так что зимой мерзнуть не будем...

А дни шли за днями, Саша уже со счета сбился. И это при остановленном времени. Промелькнули месяц, другой, третий, никаких новых сведений о Даше он найти не смог. Прошло еще полгода. Саша понимал, какими словами вспоминает его доверчивый император Перламутрии, который доверил ему последний в мире исправный мыслелет; и в этом ненадежном аппарате энергии осталось на доньшке.

Как-то Саша решил навестить старого друга – Табова, они не виделись несколько лет – так часто бывает, держишь в голове, что ты свинья – не можешь уделить часок-другой на встречу с тем, с кем прошла твоя юность, и живет он не за тридевять земель, а на соседней улице, но проходят годы, седина постепенно заставляет забыть, что ты был когда-то бронетом, внуки притаскивают из школы двойки по литературе, не вспомнив на уроке произведений Виктора Иванова, а встретиться старым друзьям так и не удается.

Табова, по закону «проникающего забвения» дома не оказалось.

Табова дома не было, но были соседи, которые рассказали всю правду о нем. Саша узнал, что старинный друг его – шпион из Америки, у него почти всегда можно перехватить червонец-другой, если на фанфурик не хватает; спрашивается, откуда у него лавэ? Ясное море, что его заокеанские хозяева не жалеют пресловутых американских денег на своих наймитов. Иначе – где разжиться на бабки? Не в грузчики же, на самом деле, идти?

Также Табов больше других расходовал электричество, сказала одна соседка, и уже сколько раз дом был на грани разрушительных коротких замыканий; приходится спать не с мужиком, как все нормальные бабы, а с огнетушителем.

Другая соседка сказала, что Табов – бабник, соблазнил и покинул не поддающееся подсчету число женщин. Последней жертвой была заведующая овощной палаткой «Ягодка №17» Галька Мокшина. А детей у него по белу свету – жуть, бедные сироты... Все равно мы гордимся нашим космосом, сказала соседка.

Она понизила голос, добавила:

– Я видела, как за ним заезжала машина, весь космодром продай – на одно колесо от такой машины не хватит. И, конечно же, с ним была баба, красотка, хоть куда. На простых-то женщин он не смотрит, ему заведующая овощной палаткой – не пара... У них и шофер был – жинтлимен жинтлименом... Жируют, коты, а тут за всю жизнь норковую шубу не справишь...

Примечание автора. У Гальки Мокшиной в фиستاикового цвета шифоньере хранится четыре шубы, из них две норковые, которые она вывезла из солнечного города Дубай.

Все сходилось к тому, что Даша, действительно, уехала в компании двух мужчин, но куда? И где она сейчас?

Сашу немного успокаивало, что рядом с Дашей – Табов, если что, он не даст ее в обиду. Хотя крошечное сомнение царапало душу, все-таки его старый друг – мужик хоть куда, оглядывается на любую юбку.

Усилим воли он отогнал черные мысли.

Так прошел год, и еще три месяца, и еще три дня. Саша отчаялся и пришел в управление Пропаж, поисков и находок. Начальница управления лично приняла Сашу, внимательно выслушала его, и закручинилась: у нее самой три года назад пропал муж, – это было бы не так больно, если бы не пропала в это же самое время и ее лучшая подруга.

– Сейчас самая большая нагрузка на отдел пропаж, – сказала начальница печально, – а сотрудников отдела находок пришлось отправить в бессрочные неоплачиваемые отпуска. Сейчас люди ничего не находят, а если даже им и посчастливится, то они стараются, чтобы никто об этом не узнал. Скажу больше – почти никто и ничего не ищет, не потерять бы то, что есть...

И в эту самую секунду закончились последние капли энергии в мыслелете. Произошло то, чего опасаются космические бродяги.

Вспышка. Темнота. Небытие.

Небытие...

Вспышка...

Саша открыл глаза и оказался в Перламутрии в тот же самый момент (даже минуты не прошло), когда он отправился отсюда год и три месяца, и еще три дня назад. Тимофей, кажется, даже не заметил его отсутствия.

Так что, понятно, отчего у Саши такое скверное настроение. А тут еще Тимофей именно в этот длинный день надумал оставить их маленький отряд, надоело ему шагать по пыльной и колдобистой земле.

– Оседлость – способ правильной жизни, – сказал многозначительно Тимофей. – Человек оседлый – хлебороб, он любит ремесла, он воспитывает детей, строит теплые дома, не боится лютых морозов – мне это по нраву. Оседлый человек – человек обороняющийся, его не так тянет в набеги...

– Зато номад – сын изменяющегося мира, – защитил Саша кочевников, – цокот копыт их коней слышен повсюду... они и сами изменяют мир. За ними едва поспевают маркитанты, но за ними же не успевают историки, им многое приходится придумывать самим, поэтому часто история напоминает книгу пророчеств Зары, которые она сама придумывала по дороге и которые уди-

вительным образом все до единого сошлись. Волшебство? Чародейства? А что? Если кому-то не приходилось сталкиваться с волшебным, чудесным, это не значит, что их нет.

Номады шли за травой, она, зеленая и пахучая, указывала им дорогу на щедрые пастбища, богатые города, в которых за каменными стенами крепостей тряслись от страха князья и короли, перепрятывая сундуки с золотом, многие из которых до сих пор не найдены, и на них еще наткнутся будущие кочевники; путь травы не окончен

– Но, – продолжил Саша, – я повторю: никого силой я удерживать не буду. И он пожал руку Тимофею. Тот от полноты чувств даже прослезился. А когда Саша подвел к нему в поводу Дождя и Орлика – владей на здоровье! – тот едва не передумал возвращаться в родной Бузулук.

Зара заглянула в свою книгу пророчеств. Теперь она делала это только по настойчивой просьбе Саши. Кроме него и Зары никто даже не догадывался о том, что книга обманная, ведь все пророчества, придуманные Зарой, сбылись.

Саша думал: «Космос – это то, что вокруг нас, что-то непомерно огромное, пустое и холодное, чуждое, иррациональное – такое не может существовать, но все уверяют друг друга, что оно существует – бесконечность, пространство – время, дюжина измерений, антивещество, все, что поражает воображение – все это не будет понято никогда...

Космос это и то, что внутри нас. Внутри Зары, Саши, Перламутрия, даже внутри Руководства...

Галактики? Черные дыры? Сверхновые?.. Где-то в их огненном бездонном кипении поспевают такие пророчества, которые сбудутся через века и века; что перед ними предсказания Зары из вымышленной книги пророчеств?

***Примечание автора.** Ровно через двести лет ученые разгадают эту загадку, даже появится у нее специальное название «Эффект Зары», и каждый второклашка сможет предсказать хоть внезапную контрольную по тригонометрии, хоть победу «Спартака».*

– Так, что случится еще? – спросил Саша у Зары. – Давненько с нами ничего не случалось.

– А ведь правда – ничего такого не происходит, – поддержал Сашу Перламутрий, – даже армии Руководства не проявляют никакой активности.

Зара произнесла, тщательно подбирая слова:

– Тут дословно написано, – повернулась она к Саше, – что тебе предстоит самая странная встреча в твоей жизни, она же и самая страшная... Еще написано, что ты легко, в том смысле, что никто тебя не осудит, можешь отказаться от этого испытания... Если смалодушничает, и не пойдешь на встречу, никто вслед тебе не станет смеяться...

– Так с кем встреча? – потерял Саша терпение.

– С тобой!..

– Понял, что со мной, а кто второй?

Зара засмеялась:

– Первым и вторым будешь ты!..

Тимофей, насмотревшийся на разные чудеса в компании Саши, на этот раз осенил себя крестным знаменем. Ведь это страшный грех, две души не может быть у человека, не должно быть... За меньший грех на кострах жгут...

– Не думал, что это возможно, – сказал Саша, – честно говоря, и сейчас не верю... Хотя остановленное время может выкидывать и не такие фокусы...

– Так, это фокус? – успокоился Тимофей.

– Еще какой!

– Может, еще разминемся? – понадеялся Саша. У него пока не было вопросов к самому себе. А вот какой-нибудь диковинной штуки, наподобие парадокса времени, он не без основания опасался.

– Впереди какое-то строение! – возвестил Тимофей. – Дом каменный, забор вокруг дома тоже каменный, и весь двор в зарослях сирени и акаций...

Странники подошли вплотную к забору и тут же обнаружили в нем небольшую калитку. Калитка была распахнута и от нее вглубь сада вела песчаная дорожка.

– Друзья! – остановил всех Тимофей. – От этой песчаной дорожки расходятся наши пути... Орлик и Дождь уже под поклажей, в основном – кизилевый сок. Есть и хлеб, спасибо императору Перламутрию, он раздобыл даже несколько банок кильки в томатном соусе, вот это государь!.. А нам, милые мои, пора прощаться. Не поминайте лихом, может, Бог еще доведет свидеться! Приезжайте к нам в Бузулук, встретим как самых дорогих гостей...

– Обязательно! – пообещал ему Саша. – Земля – планета небольшая, вот однажды ты выйдешь к колодцу, и усталый путник попросит у тебя воды испить – и это буду я. Или поедешь в Оренбург на базар, а в Оренбурге на базарной площади – рыжий шатер цирка Шапито, а в нем коверный, пестрая душа, слезы фонтаном – плачет за весь мир, – и это тоже буду я... Или придет тебе письмо «лично в руки Тимофея такого-то», а это первое письмо в твоей жизни; открывай смелее конверт – это я пишу тебе о том, что до сих пор ищу свое счастье, а оно все ближе и ближе, да вырывается из рук, как любое человеческое счастье, которому дома не сидится...

Слезы ручьем текли по щекам Зары.

– Или однажды приземлится на базарной площади в Оренбурге огромный картонный самолет, – продолжал Саша, – на крыльях которого будет написано «Миру – мир», и бравые летчики выйдут из чудо-машины купить любимым оренбургские пуховые платки, которые легче воздуха и воздушнее счастья, которое мы ищем всю жизнь – и в этих поисках мы профессионалы; с поисками у нас все в порядке, с находками – труднее... Среди этих летчиков буду и я – вторым пилотом или штурманом, а, может и командиром, и я не стану тратить время на покупку платка, а радостно закричу, что услышат и в Бузулуке: «Тимофей, Тимофей, это я!..»

Вот видишь, как много возможностей у нас встретиться, что одна из них обязательно сбудется! Обязательно!

– Так-то оно так, – сказал Тимофей, – возможностей много, а невозможностей тоже хватает; бывает, что одна самая маленькая невозможность перевешивает дюжину огромных возможностей... Давайте прощаться...

– Люди уходят, и долго ждать, когда они возвратятся, – сказала непонятно Зара и, чтобы стало понятно, добавила. – Я тоже ухожу, вернее – остаюсь в Перламутрии. Здесь люди нужны, каждый человек ценен, такой другой страны больше не найдешь... Ну и кроме всего, император сделал мне предложение...

Саша побледнел и произнес негромко:

– Если так дело пойдет, то Перламутрию ожидает демографический взрыв... Вот тебе и государь-ампиратор, просто агрессор какой-то. Брачный авантюрист!..

– Саша, а что ты об этом думаешь? – негромко спросила у него Зара. – Одно твое слово, даже и намека хватит, – и я останусь с тобой...

– Зара, милая, – быстро ответил Саша, – я люблю тебя, ты мне дорога, и я не хотел бы с тобой расставаться никогда, но... Но... Прости меня, или хотя бы не держи зла...

Ну, вот и все. Проклятое «но», так коротко это разлучное слово, даже короче чем «нет», но исправно разбивает сердца. Зара нашла в себе силы улыбнуться:

– Когда женщине говорят, что она дорога и с ней трудно расстаться, то на самом деле все наоборот... Легче стать императрицей, чем любимой...

И тут Саша допустил, кстати, уже не первый раз, досадную оплошность. Он назвал Зару именем жены.

– Не грусти, Даша!.. – сказал он. Зара и на этот раз ни словом, ни жестом не выдала того, что оскорблена.

Что поделаешь, нашим мужчинам недостает еще душевной деликатности, тонкости, но винить их в этом трудно. Не до душевности было: воевали по полжизни, по полжизни восстанавливали народное хозяйство, боролись за урожай, презирали неверных баб, мотались по космосу – и все через силу, в три смены, впроголодь, в одном пиджаке и на работу, и на свадьбу...

– Если компания распадается, то мне пора к Баскачкину мосту, – сказал все больше отмалчивавшийся Зайнуш. – Буду резьбой по дереву заниматься, турманов разводять, ждать, когда придет за пайцзой Даша... Она уже в пути...

Здесь мы сокращаем прощальные слова, их придумано много, чтобы утишить боль расставаний, а на самом деле – сделать разлуку острее, чтобы тоска разрывала сердце, чтобы скорее забывалось плохое, чтобы старые друзья всегда были желанными... Мы же только скажем: Саша остался один.

Глава восемнадцатая: ПАУТИНА ЗАБВЕНИЯ.

А Даша мчалась на роскошном автомобиле в окружении спутников, интересных людей, интеллектуалов нашего времени. То есть, интеллектуалов их времени. А у них, между тем время стояло на месте, как Кремль. Попробуй, разберись тут!

Даша, спеленутая зловредной паутиной забвения, блаженствовала, подставляла горящие румянцем щеки встречному ветерку, и без причины смеялась, так хохочут люди, внезапно освободившиеся от какой-то страшной тяжести, придавливавшей их долгие годы.

Конечно, конечно, паутина забвения не видна на юбке или кофточке, как, скажем, видна побелка, но вырваться из ее коварных пут неимоверно тяжело.

Иногда Даша просила остановить машину и говорила:

– Это памятник героям первой мировой, но его переделали в памятник совсем другим героям. И вот перестали ходить к нему – и те, и другие... Как не печется о памятниках Министерство всеобщей любви, но паутина забвения делает свое дело и здесь...

Постойте, постойте, а откуда она знает о паутине забвения, кто ей рассказал?

Да, о ней знают все, она привычна нам, как таблетки аспирина, – болит голова – спасаемся аспирином, от простуды тоже аспирин, а еще говорят, он для сердца полезен. Паутину эту зловредную нынче тащат из космоса, а первые опыты с ней

(кто это сейчас помнит?) проводили у нас. Пообещал – не сделал – забыл; вот и началась игра «помню – не помню». Взял взаймы, да совсем чуть-чуть, на мечту нашего человека – «шестерку», а отдавать свои кровные, ведь брал на время чужие, а отдавать свои навсегда, как Марк Твен завещал, – забудем этот долг.

А кто слышал, как клянутся народные избранники, обещая сделать для народа ВСЕ, буквально все (с неба звездочку достану и на память подарю), и как потом ОНИ ЛЕГКО ДОСТАЮТ ЭТИ ЗВЕЗДОЧКИ, Не смущаясь, что они картонные...

Чуть меньше депутатов лгут партийные деятели. Брежут журналисты, а как врут писатели, обсказыватели окружающего мира!

Профсоюзные боссы любят хорошие дома, загородные дачи, лакированные машины, а на профсоюзное жалование такое не предусмотрено. Поэтому вранье все крепчает, и почти все ничего и никого не помнят...

Борис Иванович довольно потирал руки, ему удалось вырвать Дашу из дома на Буянной, где она дожидалась Сашу и где наиболее тонка, по его мнению, пленка между прошлым и будущим, почти нет барьера между наползающими друг на друга неисчислимыми измерениями пространства.

Как-то Борис Иванович изумленно поинтересовался у начальства: а не проще подложить бомбу килотонн на двадцать, и от этого Саши, от этой Даши (нет, нет, пусть она спасется) не останется даже домашних тапочек?

Ехарный Бабай рассмеялся по телефону:

– Ма-ла-дой! Ох, горячий, сопель зеленый! Я в молодости еще чище был – дурак-дураком и уши холодные – ни одного налета на сады не пропускал, ни одной драки не случилось без меня, в каждой школе я был зачинщиком; а уж подставить кому-нибудь ножку, насыпать карбида в чернильницу, чтобы потом эта чернильница шипела, как змея, плюясь ядовито-фиолетовой пеной, – и не знал я, что можно уничтожить каждого, не снимая добродушной улыбки с тонких губ, так, что погибающий будет благодарить своего погубителя, который якобы только чуть-чуть не успел подставить свое плечо, чтобы спасти его. Это высший пилотаж подлости.

Но есть и суперподлости, которые дают их автору наивысшее удовлетворение, скажем, за минуту до гибели шепнуть на ушко пропадающему, что его гибель устроили именно вы... «Проваливайся в преисподнюю, а я уж распоряджусь насчет нажитого добра, не забуду жену – красавицу, малых детушек: ее – в публичный дом, их – в закрытый интернат тюремного типа. Что, нет таких? Придумаем, и не такое придумывали...

– И потом, не зря говорят, что любовь сильнее смерти, я в этом не раз убеждался, – громыхнул в телефонную трубку последний титан. И в его громовом голосе послышалась нотка сожаления, видимо, и ему крепко досталось на поле битвы человек и человециц.

– Так что, сынок, – добавил Ехарный Бабай, – твоя задача шире – постараться подложить двадцать килотонн не под влюбленных, а под любовь... Понял?

– Так точно! – отрапортовал Борис Иварович, похититель женских сердец, куэнзим (помнишь ли ты его, Дина?).

Иногда беспамяатство словно отступало на минуту, как будто переставал осенний дождь, и светлело в окне. Тогда Даша спрашивала:

– Далеко еще? Кажется, что целую неделю едем...

На самом деле они были в пути уже третий год. А что вы хотите, если время остановлено, и паутина забвения опутала всех сидящих в автомобиле?

– Да, поднадоело спать в палатке, – поддерживала ее Малика. Но через минуту они забывали о своих вопросах, любовались окрестностями, вели необременительные беседы о том, о сем, но больше о сем.

Привалы делали часто, иногда днем, в жару забирались в просторную палатку и начинались бесконечные истории.

– Я где-то прочитала, или по радио передавали, что какой-то чудак построил сам для себя бомбоубежище, причем уверял всех, что оно совершенно безопасное и надежное, только зачем оно ему, если войны нет? – рассказала Малика. Борис Иванович сразу сделал стойку:

– А вы, случаем, не знаете адрес этого убежища?

И достал из кармана записную книжку и золотой карандаш.

– Тебе зачем, хочешь уйти под землю? – спросил Табов со всем возможным сарказмом. Нет, никак не складывались у него отношения с этим подозрительным типом, красавчиком, хоть куда.

– Хочу перенять опыт строительства совершенно надежных убежищ, – серьезно ответил тот. В его памяти находился категорический приказ Ехарного Бабая под номером девятнадцать, в котором куэнзимы должны всячески препятствовать землянам возводить всякие схроны, убежища, тайные лазы. Прохлопаешь ушами, и тут же расплодятся целые подземные города, не контролируемые Темными мирами.

– Все должны быть на виду! – орал по телефону последний титан.

– Рады стараться!!! – грянули куэнзимы, дисциплинированные собаки.

...Как-то заночевали на берегу озера Алгабас. Озеро, как озеро – плескалась рыбешка, лебеди любовались собой, время от времени из воды вылетала громадная щука, проглатывая очередного караса.

Табов не мог спокойно смотреть на любой водоем, тут же в его руках появилась удочка. Кстати, это до сих не разгаданная тайна: как умудряется любой рыболов даже в голой степи или выжигающей все живое пустыне мгновенно найти палку, прут и превратить их в удилища. Ученые только руками разводят. У Табова был приятель, в одежде которого не было ни единой складочки, где не прятались бы крючки – от микроскопических до циклопических, которые, должно быть, можно использовать для ловли подводных лодок. Приятель этот с ног до головы был опутан капроновой лесой различного сечения, карманы раздувались от коробочек с блеснами, со свинцовыми грузилами. Женщины смеялись над его нелепой фигурой. Те из них, которые пробовали обниматься с ним, не выдерживали и минуту, так кололись, спрятанные в одежде крючки.

Табов, конечно же, наперевес с удочкой, бросился к воде. С ним увязалась Малика. Борис Иванович и Даша остались разводять костер, готовить нехитрый ужин.

Табову в этот вечер везло, не успел он забросить удочку, как поплавок на ней принялся сигнализировать о том, что наживка, предложенная Табовым, – хлебный катыш – кому-то пришелся по вкусу. Он подсек и почувствовал сильные рывки, рыба норовила уйти на глубину, в коряги.

– Попалась, не уйдешь! – приговаривал Табов. – Лишь бы леска выдержала, а крючок мой и крокодил не разогнет.

Рыбина на секунду показалась на поверхности воды, показав свой медный бок.

– Сазан! – радостно закричал Табов. Действительно, в наши времена, когда реки придавлены плотинами, а рыбак вооружен эхолотами, навигаторами, электрическими неводами, поймать на простую удочку сазана, большая удача. Минут пятнадцать боролся он за свою жизнь, но бесконечных сил не бывает ни у кого, может только у Ехарного Бабая, да и он, похоже, стареет.

Табов подвел рыбину к самому берегу, и поднял ее под жабры на берег.

– Килограммов восемь будет! – сказал Табов. И в самом деле, в сазане было не менее четырех кило. Эх, рыболовное племя! Почти идеальные люди. Только врут без зазрения совести.

– Пойду, отнесу наш трофей, – сказал Табов, – ужин сегодня у нас должен быть царским.

– А ты следи за поплавком, – наказал он Малике, – если что, постарайся выводить рыбу плавно, без рывков.

Первый раз в жизни Малика взяла в руки удочку. Новичкам везет и уже через десять минут она выхватила из воды едва различимого глазом окунька – грамма на полтора. Девушка завизжала от восторга, и тут же забросила, как могла, удочку назад в воду.

Табов нес свой трофей бережно, предвкушая рыбацкий триумф. Но у костра никого не было. Он распахнул полог палатки, и у него потемнело в глазах: Борис Иванович и полураздетая Даша страстно целовались, лежа на надувном матрасике.

Даша! Дашенька! Дашута! Не ты ли снилась Саше в глубоком космосе, где нет никакой жизни, где выжить помогает только любовь? Не он ли твой огромный портрет разместил в газовой туманности номер 188897654321, который в ясную ночь можно увидеть и с Земли, правда, в мощный телескоп, правда, только в южном полушарии, в основном в Антарктиде?

Душа моя, Саша так верил тебе (и я вместе с ним), повторял часто, что любовь – из триады «жизнь», «смерть», «любовь»... Может, это и есть вселенная?

Глава девятнадцатая.

Даша вырвалась из объятий Бориса Ивановича и сказала потрясенному Табову:

– Это не то, о чем ты думаешь... Совсем не то...

Тоже мне, формулу придумали неверные жены: стоит их застукать с любовником, как они начинают вопить: «Это не то... Я могу все объяснить!» Дескать, не верь своим глазам. А верь ее сбивчивым объяснениям, слезам.

Табов только и сумел выдавить из себя:

– Не оправдывайтесь, Дарья Никитична. Вы вольны поступать так, как вы считаете возможным для себя...

А сам подумал: «Экую я фразочку слепил, как Федор Михайлович...» Както, в один из своих редких прилетов, Саша рассказал, что ему выпало счастье быть знакомым с писателем. Это произошло, кажется, в 1875 году, когда один английский журнал (эх, бритты!) опубликовал статью, в которой уведомил своих читателей, что Федор Михайлович умер. А он был жив. Впрочем, ему не привыкать. Тому, кто стоял на эшафоте в ожидании казни, казалось, уже ничего не страшно, но это было не так...

– Нет, нет! – закричала Даша и вlepила Борису Ивановичу звонкую оплеуху. Из ее рассказа выходило, что она решила искупаться в озере – вечер такой замечательный, вода прозрачная и теплая, как парное молоко, ровное песчаное дно – и она забралась в палатку переодеться. Не прошло и трех минут, как в палатку залез Борис Иванович, она сначала восприняла это, как шутку, не вполне удачную, но когда он стал срывать с нее остатки одежды, она испугалась, стала вырываться из его объятий, которые показались ей стальными... Если бы Табов не пришел то могло бы произойти непоправимое...

Даша в этот момент, прикрывавшая наготу простышкой, была обворожительно хороша.

Табов сделал шаг вперед и врезал Борису Ивановичу с правой. Куэнзим не ожидал удара и повалился прямо в костер. Табов поднял его за грудки и врезал слева, и так это хорошо получилось, что тот снова свалился в костер.

– Хорошо, что рыбу не успели поставить на огонь, – сказал Табов, – а то получилась бы не уха, а похлебка с дерьмом.

И, наверное, огонь сделал свое дело (куэнзимы очень не любят живое костровое пламя), только не сумел Борис Иванович (а настоящее его имя, может быть, Бабье-Маше-Ди-Медрол) удержать человеческий облик, а на глазах путешественников превратился в ужасную тварь – одноногую, одноглазую, с одной же рукой, но обладающую чудовищной силой куэнзима, разведчика Темных миров.

Куэнзим страшно зарычал, как волк, выставил желтые, разбитые кариесом, никогда не чищенные зубы. Зловонное его дыхание убивало на лету комаров.

– Убью тебя, человеческий ублюдок! – прохрипел он и кинулся на Табова. Но не на того нарвался. С горячего послевоенного детства, трудной и голодной молодости закалялся Табов в страшных уличных драках, где сплошь и рядом десятеро на одного, где помогают спастись самодельные финки, кастеты и бляхи. Он выставил вперед кулак и сделал полшага в сторону, и этого оказалось достаточно, чтобы пришелец из космоса в третий раз повалился в костер.

Даша и Малика, охваченные ужасом, подобрали какие-то палки, выставили их перед собой, как копьа (смешная оборона против существа с атомным моторчиком в груди).

Но не всегда побеждает тот, кто сильнее.

– Испепелю всех вас, – орал лже-Борис Иванович, – продам на рудники Юпитера, из ваших черепов сделаю пепельницы, нет, – плевательницы...

Но хвалила себя калина, что с медом хороша. После того, как куэнзим был повержен в очередной раз, стало ясно, что рукопашная подготовка в Темных мирах не на высоте.

Чудовище выбралось из костра, и в ту же секунду оказалось в своей роскошной машине. Проворный, чебурек с кнопками.

– Ну, погодите! – пригрозил он. Мотор взревел на полных оборотах, и машина умчалась в неизвестном направлении.

Примечание автора. Не такое уж оно неизвестное. Куэнзим, потерявший человеческий облик, получивший по мордасам от простого жителя Земли, не сумевший выполнить задание руководства Министерства любви, должен будет держать ответ перед суровым начальством пришельцев. Он доехал до ближайшего заброшенного колодца, где исчезла, растворилась в воздухе машина, а сам он спустился

на дно колодца – держать ответ за свой, прямо скажем, провал. Ехарный Бабай был беспощаден. В общем, большие никто и никогда не видел этого молодого (всего каких-то полторы сотни лет, чуть больше) неопытного куэнзима. И не жалко...

Путешественники остались без машины посреди огромной равнины.

– Ничего, не пропадем, – ободрил девушек Табов, – забирайтесь в палатку, а я останусь на всякий случай у костра. Утро вечера мудренее.

Малика про себя отметила, что по отношению к Даше меньше душевности стало в словах их спутника. А Даша ведь ни в чем таком не виновата... Или все-таки...

Даша в эту ночь не сомкнула глаз. Рядом посапывала Малика, время от времени слышался треск костра, тревожные отсветы которого на брезенте палатки высвечивали какие-то, еще не созданные художниками, абстракции; Табов бодрствовал у костра, вооруженный на случай нападения куэнзима увесистой сучковатой дубинкой.

Нет, что ни говорите, а есть очарование в степной казахской ночи, когда ковыльный ветерок до того слаб, что не может поколебать пламени костра, а до этого он две недели носился между древних мазаров, и не верилось, что может кончиться его завод, но в одну минуту он прилег у костра, как притомившийся путник, принес с собой долгожданную прохладу, и пришло время акынов и домбры, голос которых слышен на самых дальних кочевьях и рассказывает древнюю сказку о любви Козы Корпеша и Баян Сулу, в которой все – чистая правда. Любовь не умирает, даже если ее убивают.

Такая ночь хороша для барымты, но и барымтач заслушался акына – нынешнюю ночь не распорет грохот копыт.

Эта ночь из тех, когда души покидают свои улиты – в этот момент они так уязвимы, в этот час они так тверды!

В такую же ночь родилась девочка, нареченная Наталией, которой выпадет всю свою недолгую жизнь биться с беспамятством, безвременьем, и никогда не отступать...

А еще в такую ночь родилась Надежда...

Но сегодня не о них речь, хотя и о них тоже.

Даша выбралась из палатки, окликнула Табова.

– Не спишься? – спросил он.

– Коля, – сказала она, – я люблю Сашу, так это и знай...

– Я это знаю. Но как мы оказались в этой степи?

Паутина забвения исчезла вместе с коварным куэнзимом.

– Нам ведь нужно на Баскачкин мост, к дедушке Зайнушу, – сказала Малика из палатки.

На самом деле, как они попали сюда, к Алгабасу? Случается ведь такое...

Занимался рассвет дня, когда время продолжит свой стремительный бег.

Глава двадцатая: ДВОР С СИРЕНЯМИ.

Оказалось, что совсем неподалеку, у желтого одинокого бархана, стояла белая юрта, тоже одинокая. Должно быть, славный человек обитал в ней (Не каждому кочевнику выпадает жить в такой юрте), и он не замедлил показаться. Из белого жилища быстро вышел человек и едва ли не бегом направился к ним. Не доходя добрую полсотню шагов до путешественников, он закричал:

– Салам алейкум, уважаемые! Добро пожаловать в мою юрту, будьте дорогими кунаками.

– Нас, оказывается, ждут, – сказал Табов. – Может, за то, что набили морду этому, кавалеру?

Даша нахмурилась.

– Извини! – сказал ей Табов.

– Прошу вас, заходите в юрту, под ее шаныраком пусть вам будет уютно и безопасно!

Путешественники не ожидали такого напора гостеприимства, но они, не без некоторого смущения, зашли в войлочное жилище. В центре юрты стоял круглый низкий стол – дастархан, вокруг дастархана были разложены многочисленные корпе – подушки, при виде которых ноги сами подкашивались – это было идеальное место для пиров, дружеских возлияний, споров, завершались которые домброю – душою степи; в каждом кюе пела древняя история. У стола сидела красавица в красном бархатном камзоле и разливала чай в небольшие пиалы – кесе.

– Меня зовут Аманжолом, – сказал радушный хозяин. – Отырыныз – садитесь, а это моя сестра – Напия. Она учится в педагогическом институте, круглая отличница, претендует на красный диплом. А я кочую по степи, занимаюсь делом своих предков – пасу овец, у меня отара – семьсот голов. Глаз, да глаз нужен за отарой, кровожадные каскыры – степные волки, чуть отвернись, нападают на отару, и пощады не жди. Спасают от каскыров только могучие волкодавы, Верные псы и днем и ночью охраняют отару...

Хитрые номады! Они не торопятся расспрашивать гостя; ты можешь прожить у щедрого кочевника неделю, а он не поторопит тебя с твоей историей. Если есть что сказать, кунак расскажет сам, а все остальное – и тайны, и секреты, и пароли – пусть их хранит тот, кому они принадлежат. Если только он не откроет все сам.

Хотя, должно быть, номады самые словоохотливые люди. Ведь, случается, особенно зимой, когда буран заметает дороги, они неделями не видят людей.

Аманжол рассказал, что по его наблюдениям, в обществе накопился изрядный дефицит общения. Человек все реже ищет себе человека, «чтобы аукаться через степь», ему хватает телевизора. Все реже люди заворачивают друг к другу на огонек. Люди все легче теряют людей...

И тогда он решил обзавестись такой приметной юртой, пусть сюда приходят друзья, родня, знакомые и неизвестные никому люди. Все, у кого душа горит ...

Но его юрта чаще пустует, по вечерам не ведет свой разговор домбра. Люди пролетают мимо на своих машинах, куда-то торопятся, а если и заходят в юрту, то не как к себе домой, а в музей...

Аманжол, чудак-человек, он мечтает, чтобы люди всех пространств и измерений ходили друг к другу в гости.

Чего только не было на сегодняшнем дастархане – и баурсаки с пыла, и куырдак из молодого барашка, и сливки, которые только сняты городским гурманам, и тары – жареное просо, и казы... А еще карта, жая... А еще курт, иримшик... А еще...

Даша попробовала кумыс, он ей так понравился, что она попросила, чтобы ей дали еще.

Тактичный Аманжол предложил ей отведать айрана, но она твердо сказала:

– Хочу кумысу...

Нет нужды в двадцатый раз повторять, что просьба гостя не может быть не выполнена. Хмельная влага степи загорелась в Даше, и она сказала Аманжолу:

– Мы вообще-то космонавта ищем, Сашу. Не встречался он на вашем пути? И внезапно подала голос Напия.

– Я знаю космонавта Сашу, нам про него рассказывали в институте прикладной космогонии. Там, в учебнике еще его портрет был, он попал в кадр Межзвездной Службы Новостей на закладке одного из зиккуратов в Месопотамии... Там еще было написано, что после многолетних скитаний в космосе, он вернулся домой, и его встретила верная жена – Даша... А я смотрю, лицо ваше мне знакомо... Вы ведь Даша, правда?

– Когда и где это случится или случилось? – спросила Даша. – Вспомните, пожалуйста!..

Напия напрягла память.

– Точную дату я не помню, но знаю, что это произойдет в год, когда будет запущено время... И еще там шла речь о Баскачкинском мосту...

Последнее колдовство паутины забвения развеялось, как утренний туман. Она все вспомнила.

Ее спутники сладко дремали на прохладных корпе, Напия разливала чай, Аманжол взял домбру:

– Я, конечно, не Коркыт...

Даша поднялась из-за дастархана, принялась благодарить гостеприимных хозяев, желать им, чтобы в их войлочном доме всегда были гости.

Затем она вышла из юрты, и сразу оказалась на бархане, у подножья которого стояло жилище.

Вечерело, но она без сомнений зашагала прямо к его невысокой вершине. Пусть простят ее Аманжол, Напия и Табов с Маликой, ей одной надо отправиться на встречу с Сашей.

Она не ошиблась: с другой стороны к бархану прилепилось крохотное село, и у дома с флагом на крыше стоял и урчал мотором автобус. Она подошла к автобусу, водитель посмотрел на часы, идущие наоборот, спросил у нее:

– Едете? Одну вас ждем...

Она забралась в салон и автобус тронулся.

– Следующая остановка – Баскачкин мост! – объявил водитель. Откуда они все знают, эти шофера?

Через минуту автобус остановился, конечная... Можно даже не проверять – Баскачкин мост!

Даша вышла из автобуса и почему-то сразу поняла, куда ей идти. Она направилась к дому с резным крылечком. Постучала в окно.

– Открыто, заходите! – пригласил в дом молодой голос. Даша толкнула дверь и лицом к лицу оказалась с человеком, принесшим ей весточку через тысячу почти лет.

– Зайнуш? – уточнила Даша у этого молодого человека.

– Даша? – уточнил он.

Дедушка (да какой он дедушка – двадцатипятилетний красавец) протянул ей конверт и золотую пайцзу Темучина, не такую уж и тяжелую, во всяком случае – не десятикилограммовую, как утверждала молва.

– Как он там? – спросила Даша.

– Ничего...

– Физзарядку по утрам делает?

– Само собой! – сказал Зайнуш и почему-то ему вспомнился Икан... – Все неплохо, но время кто-то остановил и он не может пока попасть в свой век. Но это скоро будет налажено, не сомневайтесь...

Даша наконец открыла долгожданное письмо: «Милая моя, любимая!.. Как я соскучился по тебе...»

В старом заброшенном колодце врага человеческого (с маленькой буквы), от этих слов передернуло, как от стакана уксуса. Похоже, на этот раз пришельцы не сумели справиться с поставленной задачей – победить любовь. Но они не оставят своих попыток. Последний титан в ярости...

«...ты самая драгоценная».

Личное, даже интимное письмо, не станем его читать...

Но где же Саша?

Глава двадцать первая: ДВОР С АКАЦИЯМИ

Саша остался один. Взвалил на плечи книгу предсказаний, которую оставила Зара, со слезами на глазах прощавшаяся с космонавтом, и двинулся на запад, а потом на восток. В конце концов, – на юг. Нет, все-таки, – на север.

Книга была тяжеленная, но он не бросил ее, вдруг пригодится. Однажды, когда он одиноко коротал время у костра, он взялся листать инкунабулу, прежде это всегда делала Зара

Ни одного понятного слова не смог он найти в книге, но между ее страницами обнаружил листочек, с парой строчек, написанных убористым почерком; он узнал в нем почерк Зары:

«В городе, где есть Баскачкин мост, где стареет и ветшает дом с колоннами, – начал он читать, и не смог оторваться, – в глубине двора, заросшего акациями и сиренью, ждет Сашу человек, встретиться с которым, может быть, сам не зная об этом, он давно хотел, но не получалось. Может быть, пришла пора? Ему всего-то нужно пройти через старую, знакомую ему до боли, калитку...»

Откуда Зара знала все это – и про двор с акациями, и про калитку?.. Неужели в ее силах заказать судьбу, и где принимают такие заказы?

Саша дождался утра, свернул палатку, потушил костер и отправился искать предсказанный город. Он был совсем рядом – за поворотом. Отважный космонавт, уставший от расставаний и потерь, без труда нашел нужную калитку.

«Оказывается, так просто вернуться, – подумал он. И тут же поправил себя: «И так невозможно...»

Осторожно открыл дверцу калитки, да, именно в этом дворе прошло его детство; здесь у самого крыльца Сашу всегда ждут удочки, тонкие, упругие вязовые удилища, как будто помнят не язей, линей и окуней, выуженных с их помощью, а всю его скитальческую жизнь, полную расставаний.

Здесь обитают его друзья – они молоды, полны сил; они все живы... Здесь бабушка Александра Львовна приготовила для него сказочное угощение – блюдечко чуть соленого подсолнечного масла с сухарями...

Здесь мама – Агриппина, а для подруг – Галька – огнедышащим утюгом на углях отутюжила его шелковый пионерский галстук; сегодня как раз пионерский сбор на тему «Покорение космического пространства».

Здесь в доме с колоннами жила... Живет!..

Саша огляделся и увидел, как навстречу ему из глубины двора – от самых акаций – шагнул человек, совершенно незнакомый. Он сам. Полвека спустя.

– Привет!

– Привет!..

– Я столько хотел узнать у тебя...

– Я столько хотел рассказать тебе...

– Но теперь я не уверен, что хочу все знать наперед, – сказал Саша.

– Но тогда ты не сумеешь избежать трагических ошибок! – воскликнул Саша.

– Все мои потери, все мои заблуждения – будут твоими...

– Пусть! – упрямо сказал космонавт. – Я хочу прожить свою жизнь, не твою.

– Но я – и есть твоя жизнь.

–Нет-нет-нет...

Неужели хотя бы не хочется узнать, сколько лет тебе предстоит прожить?

– Нет.

– Не пожалей только потом....

– Постараюсь! – и Саша протянул руку Саше. И в ту же секунду запущенное этим рукопожатием, время рвануло вперед – стремительное и беспощадное. Человек нашел самого себя, – в пространстве и времени.

Примечание автора. *А мы-то думали, что пускач времени – пайцца. Ехарный Бабай тоже так думал.*

Теперь о совершенно надежном убежище. Его откопали, но оно оказалось пустым. Его обитатели покинули его, решив, что опасность для вселенной чуточку преувеличена. У мосластых девок, и у самой Марты родились девчонки – есть такая примета, что девочки рождаются к миру. Ну а профессор разрабатывает новую, совершенно надежную систему от уха, горла, носа. В общем, все счастливы...

Только знающие люди уверяют, что по-прежнему в дом с колоннами заходит людей больше, чем выходит, а это, безусловно, мешает полному и безоговорочному счастью... Впрочем, прошел слух, что ремонт в доме начался, маляры, наконец, покончили с приготовлением раствора, пьяницы у кучи золы протрезвели и вспоминают, зачем же они сюда пришли. Дина с кобелями на поводках съехала неизвестно куда, а жена капитана подала на развод...

А вот и долгожданная встреча.

Вспышка, темнота, небытие. Вспышка!

Рядом с Дашей, переброшенный энергией ожившего времени, появился Саша...

И мы все продолжили стареть.

Минск, 17 июня 2015 г.

